СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXVI, № 3.

ОТЧЕТЪ

О

ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

ВЪ 1897 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Двѣнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина.

СТРАН.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ . . 1—18

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. «*Пѣснь о Роландѣ* (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями переводчика (СПБ. 1897)». — Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ . . . . . 19—63

II. «*М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія* (М. 1896)». — Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ. . . . . 64—73

III. «*Сочиненія Н. В. Гоголя.* Изданіе X-ое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и В. Шенрокомъ (съ приложеніями). Томы VI. М. и СПБ. — VII. СПБ. 1896». — Критическій разборъ А. Н. Пыпина . . 74—86

IV. «*Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній.* Десять автобіографическихъ разсказовъ В. Авенаріуса. СПБ. 1893». — Рецензія В. П. Острогорскаго . . . . . 87—99

V. «*Стихотворенія Екатерины Бекетовой.* (СПБ. 1895)». Критическія замѣтки А. Н. Майкова, приведенные въ порядокъ академикомъ Л. Н. Майковымъ . . . . . 100—103

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1898_66_3

ДВѢНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 года, предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ордин. академ. А. Ѳ. Бычковымъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ текущемъ году поступило 19-ть сочиненій, въ томъ числѣ три перевода въ стихахъ. По предварительномъ ознакомленіи съ представленными сочиненіями, два, признанныя не подходящими подъ правила Пушкинскихъ премій, были исключены изъ конкурса и возвращены авторамъ, пять взяты на разсмотрѣніе членами Отдѣленія, а къ оцѣнкѣ остальныхъ 12-ти были приглашены сторонніе ученые и литераторы. По полученіи къ назначенному сроку рецензій была образована, согласно съ правилами о Пушкинскихъ преміяхъ, комиссія. Она состояла, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, изъ пяти членовъ Отдѣленія и двухъ постороннихъ лицъ, В. П. Острогорскаго и И. Н. Потапенка. Къ сожалѣнію, остальныя приглашенныя въ комиссію лица: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Д. В. Григоровичъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Пыпинъ и К. К. Случевскій не могли, по болѣзни и другимъ причинамъ, принять участія въ засѣданіи.

По прочтеніи въ этомъ засѣданіи доставленныхъ рецензій и внимательномъ обсужденіи ихъ была произведена баллотировка, вслѣдствіе которой два сочиненія: графа де Ла-Барта Пѣснь о Роландѣ — переводъ размѣромъ подлинника — и М. А. Лохвицкой (Жиберъ) Стихотворенія увѣнчаны каждое половинною Пушкинскою преміею. Изданные В. И. Шенрокомъ VI и VII томы Сочиненій Н. В. Гоголя, Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній, десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса и Стихотворенія Е. А. Бекетовой удостоены почетнаго отзыва.

Оцѣнку стихотворнаго перевода графа де Ла-Барта Пѣсни о Роландѣ принялъ на себя членъ-корреспондентъ Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ. Своему отзыву о переводѣ этого древнѣйшаго памятника народнаго французскаго эпоса, воспѣвающаго побѣды, одержанныя Карломъ Великимъ въ Испаніи, и повѣствующаго о боѣ въ ущельяхъ Ронсеваля, въ которомъ палъ бретанскій маркграфъ Роландъ, уважаемый рецензентъ предпослалъ краткое историческое обозрѣніе хода переводной литературы въ нашемъ отечествѣ. Это обозрѣніе онъ начинаетъ такъ: «Еще 106 лѣтъ тому назадъ извѣстный труженикъ на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ Россіяне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить на нашъ россійскій языкъ «все что преизряднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Кто не знаетъ съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Ролленя и пр.) или «преизряднѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогащалась переводами всего «преизряднѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а

не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтущіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ».

Къ сожалѣнію, наши дѣды и прадѣды не могли вполнѣ знакомиться въ этихъ переводахъ съ образцовыми произведеніями иностранныхъ литературъ, такъ какъ стихотворныя произведенія передавались тяжелою прозой; произведенія англичанъ, италіанцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда съ сокращеній и передѣлокъ; не всегда языкъ былъ довольно вразумителенъ, потому что переводчики были недостаточно свѣдущи въ языкѣ, съ котораго переводили, но тѣмъ не менѣе отечественная словесность, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались благодаря этимъ переводамъ.

Пушкинскій періодъ русской литературы до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева бѣднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но за то эти переводы несравненно лучше, а иные являются совершенствомъ; даже переводчики романовъ достигали высокаго искусства и почетной, вполнѣ заслуженной извѣстности.

Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ произведеній беллетристическихъ; нѣкоторые изъ нихъ добросовѣстны и удачны, но бо́льшая часть ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ Екатерининскаго и Александровскаго времени. Причина этого крайняя небрежность переводчиковъ, работающихъ на-спѣхъ, вслѣдствіе чего болѣе или менѣе требовательные читатели не рѣшаются пользоваться произведеніями русской переводной литературы. Та же торопливость мѣшала приниматься за переводъ обширныхъ эпическихъ произведеній, написанныхъ стихами, но такъ какъ русская публика желала знакомиться и съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія и даже довольно содержательныя изслѣдованія о нихъ.

«Къ серединѣ 1880-хъ годовъ, по словамъ рецензента, положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части читающей публики возрастаетъ, спѣшность въ работѣ слабѣетъ и за

важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, спеціально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвятить работѣ нѣсколько лѣтъ свободнаго и упорнаго труда. Отъ такихъ, стоящихъ на уровнѣ трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ — Калевалу, Пѣснь о Нибелунгахъ и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣланъ графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ академикъ А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить двумъ требованіямъ — сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и печать времени, и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ,—и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и по требованію стихотворнаго размѣра вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стиля и образовъ. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей». Къ этому отзыву компетентнаго судьи всецѣло присоединился А. И. Кирпичниковъ. Онъ только это сужденіе подкрѣпляетъ приведеніемъ нѣсколькихъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ по его убѣжденію особенно удачно. Примѣромъ можетъ служить переводъ графа де Ла-Барта начала Пѣсни о Роландѣ по Оксфордскому списку:

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
И до моря вся горная страна
Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стѣны ихъ разсыпались во прахъ.
Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
Что на горѣ стояла: царь Марсилій
Владѣетъ ею; въ Бога онъ не вѣритъ, —
Онъ Аполлину служитъ, Мухамеду, —
Но близокъ часъ погибели его.

По мнѣнію рецензента переводчикъ поступилъ цѣлесообразно, съ одной стороны удержавъ не стѣснительный размѣръ оригинала, а съ другой — отказавшись отъ воспроизведеній его ассонансовъ, мало обычныхъ, кромѣ пословицъ, въ русскомъ языкѣ. Нельзя не обратить вниманія на свободное и легкое построеніе стиха и фразы, которые совсѣмъ не отзываются переводомъ, а производятъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія, и на эффектъ и силу послѣдней строчки въ приведенномъ примѣрѣ, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ оригиналѣ.

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ Пѣсни о Роландѣ народнаго и личнаго элемента, пользуется въ строго надлежащей мѣрѣ при переводѣ русскими былинными и пѣсенными оборотами, употребляя тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей поэзіи не поражаютъ необычностью. Затѣмъ А. И. Кирпичниковъ отмѣтилъ нѣсколько случаевъ, гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходится съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по его убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Указавъ нѣсколько трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно, рецензентъ перечисляетъ тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, переведены не удачно или не вполнѣ удачно. При этомъ онъ былъ на столько требователенъ,

какъ будто графъ де Ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій. Всѣ эти замѣчанія имъ сдѣланы въ надеждѣ, что они обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ.

Обращаясь къ введенію и примѣчаніямъ, присоединеннымъ переводчикомъ къ его труду, многоуважаемый рецензентъ замѣчаетъ, что степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика и читатели не въ правѣ сѣтовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы на столько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Если же переводчикъ не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія, то ему слѣдовало бы указать читателю, гдѣ можетъ онъ найти удовлетворительныя историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ. Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библіографическихъ указаній, интересныя и цѣнныя соображенія переводчика, высказанныя въ введеніи, о сліяніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго, кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла. Что касается примѣчаній, то количество ихъ для такого древняго памятника у графа де Ла-Барта слишкомъ ограниченно, и они носятъ, какъ кажется, нѣсколько случайный характеръ.

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ графа де Ла-Барта, какъ введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ, хотя бы краткимъ, разборомъ поэмы, такъ и примѣчанія будутъ отличаться бо́льшею полнотою и равномѣрностью.

Въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода графа де Ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности оригиналу, такъ и со стороны художественной, рецензентъ полагалъ, что тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполнѣ заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина. Комиссія, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ А. И. Кирпичниковымъ, единогласно признала переводъ Пѣсни о Роландѣ заслуживающимъ половинной Пушкинской преміи.

Разборъ Стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберъ) представилъ, по просьбѣ Отдѣленія, нашъ членъ-корреспондентъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ книгѣ помѣщено болѣе ста стихотвореній, написанныхъ въ періодъ времени отъ 1889 по 1895 годъ включительно и раздѣленныхъ на четыре отдѣла, но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное.

Всѣ стихотворенія г-жи Лохвицкой (Жиберъ),—говоритъ рецензентъ,—имѣютъ одно содержаніе, содержаніе это исчерпывается словомъ «любовь»; они, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это, старое какъ міръ, какъ человѣчество, чувство. Но мы далеки отъ того, чтобы ставить это однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безыскусственно-простъ, читается легко и также легко запоминается — несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство риѳмъ, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ.

Какъ образецъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, графъ Голенищевъ-Кутузовъ приводитъ слѣдующее стихотвореніе:

Если-бъ счастіе мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

* * *

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

* * *

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

* * *

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

* * *

Нельзя — говоритъ рецензентъ, самъ выдающійся поэтъ, — въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ.

Конечно, это одно изъ лучшихъ стихотвореній Сборника; встрѣчаются въ немъ и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя, но такихъ немного. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой слѣдуетъ отнести неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и непріятнымъ чередованіемъ шести-, пяти- и четырехъстопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ».

Если къ этому прибавить встрѣчающееся кое-гдѣ отсутствіе обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ и нѣкоторые промахи въ родѣ употребленія слова «плечей» вмѣсто «плечъ», то этимъ исчерпываются всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя ко внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, рецензентъ замѣчаетъ, что посвященное почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной, содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по построенію, по краскамъ, по освѣщенію и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью напѣва и повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью, но сами они до безконечности разнообразны, и притомъ взятые въ отдѣльности почти всегда просты, оригинальны и жизненны.

Приведенныя рецензентомъ стихотворенія не только поясняютъ, но и доказываютъ все это.

Небольшая поэма «У моря» и стихотвореніе «Эллада», по мнѣнію рецензента, даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія не лишенныя достоинства. Оба названныя стихотворенія, въ которыхъ видно такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ, и, наконецъ, яркость образовъ, положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію поэтессы, и было бы жаль, если бы она пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой.

Встрѣчаются у г-жи Лохвицкой стихотворенія, правда не многочисленныя, въ которыхъ она, со свойственною ей искренностію, выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовію, чувство стремленія къ чему-то высшему и лучшему. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ разборѣ приводитъ стихотвореніе «Сумерки», само по себѣ превосходное, изящное по построенію и подающее надежду, что поэтическій кругозоръ писательницы расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ:

Съ сліяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья...

***

Скользятъ въ туманѣ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта...
И блѣдныхъ образовъ черты,
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

***

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что было такъ давно...
Что было отжито когда-то...

***

По поводу этого стихотворенія рецензентъ выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы настроеніе, съ такою удивительною тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи, было предвѣстьемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «клочья свѣта» превратились въ *настоящія мысли* и *настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только какъ

алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды.

По мнѣнію рецензента, Стихотворенія г-жи Лохвицкой вполнѣ достойны Пушкинской преміи. Комиссія присудила г-жѣ Лохвицкой половинную премію имени А. С. Пушкина.

Для разбора представленныхъ на соисканіе Пушкинскихъ премій VI и VII томовъ 10-го изданія Сочиненій Н. В. Гоголя, напечатанныхъ подъ редакціею Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, Отдѣленіе обратилось къ содѣйствію своего члена-корреспондента А. Н. Пыпина.

Предварительно разбора этихъ двухъ томовъ, рецензентъ изложилъ соображенія Н. С. Тихонравова, которыми онъ руководился при 10-мъ изданіи Сочиненій Гоголя. Они состояли въ установленіи правильнаго ихъ текста и въ возможной полнотѣ собранія, необходимой для основательнаго историческаго изученія произведеній и личности поэта.

Извѣстно,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ комментаріи и варіанты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ. Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Смерть застигла его среди работъ надъ шестымъ томомъ. Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, уже многіе годы посвящавшаго свой досугъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя. Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, бо́льшая часть котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна его программу изданія, которую высоко цѣнилъ: точно такъ же онъ печаталъ тексты, старательно сличая рукописные и печатные матеріалы и собирая обширные варіанты, и точно такъ же старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія.

Примѣчанія редактора и варіанты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI томѣ страницы 542—827, за исключеніемъ исторіи текста Ревизора (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варіанты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей — страницы 829—947; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію, составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ почти 140 страницъ. Таковъ внѣшній объемъ работы. Собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій потребовало отъ г. Шенрока большого труда. Съ такимъ же стараніемъ — заявляетъ рецензентъ — исполнилъ онъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находитъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ особенно подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба». Обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора», первоначальной редакціи «Коляски» и др. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ душъ».

Заканчивая изданіе, начатое Н. С. Тихонравовымъ, г. Шенроку пришлось строго держаться конспекта своего предшественника относительно того, что̀ должны были заключать VI и VII томы, и способа изданія. Небольшія отступленія отъ плана, допущенныя г. Шенрокомъ, и не значительны и могутъ быть вполнѣ оправданы.

Весь основной трудъ по изданію въ этихъ двухъ томахъ произведеній Гоголя, его набросковъ и замѣтокъ, частью варіантовъ извѣстныхъ ранѣе сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ — говоритъ рецензентъ — исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно, и достаточно взглянуть на безконечные списки варіантовъ, чтобъ оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи.

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ и самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ варіантовъ, но эти недостатки нисколько не умаляютъ достоинства изданія. Въ цѣломъ внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ полнаго уваженія. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя, и г. рецензентъ съ своей стороны считалъ бы справедливымъ — если то будетъ возможно по другимъ условіямъ — вознаградить сложную работу г. Шенрока по изданію VI и VII томовъ Сочиненій Гоголя полною премією.

Комиссія, раздѣляя вполнѣ мнѣніе рецензента о заслугахъ г. Шенрока по изданію двухъ послѣднихъ томовъ полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя и о достоинствѣ его труда, тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ достаточныхъ суммъ и въ виду 9 пункта правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, принуждена выразить г. Шенроку свое одобреніе лишь присужденіемъ ему почетнаго отзыва.

Разсмотрѣніе представленнаго на соисканіе Пушкинскихъ премій сборника В. П. Авенаріуса: автобіографическихъ разсказовъ подъ заглавіемъ «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія, В. П. Острогорскій, который и представилъ въ Отдѣленіе подробный разборъ этого сочиненія.

Въ дѣтской беллетристикѣ приблизительно до 1860-хъ годовъ, за рѣдкими исключеніями, господствовала надоѣдливая мораль, сентиментальность, искусственность; писавшіе для дѣтей почти никогда не отличались талантливостью художника, и дѣтскія книги не давали почти ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Мало-мальски даровитыя дѣти не любили этой

«своей» литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣнились и требованія отъ дѣтской книги. Къ ней предъявляются теперь уже тѣ же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. Въ настоящее время изъ беллетристики признаются годными для дѣтей единственно только тѣ произведенія, которыя, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждаютъ въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, и въ то же время могутъ быть занимательными и художественными и для взрослыхъ.

Среди писателей этой новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ занимаетъ В. П. Авенаріусъ. На литературное поприще онъ выступилъ еще въ 1865 году и съ 1870-хъ годовъ почти всецѣло посвящаетъ свой талантъ юношеству. Его оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги «Отроческіе» и «Юношескіе годы А. С. Пушкина», одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами русскаго юношества.

«Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, говоритъ рецензентъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ дѣтскую или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполнѣ естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ, къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавшаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подрастающихъ поколѣніяхъ».

«Листки», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ

вполнѣ автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя родовыя воспоминанія о своихъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ,— о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренне, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и беретъ изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти вовсе не касается, и заключаетъ свои разсказы неожиданной смертью, отъ холеры, любимаго отца.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ содержаніемъ книги, рецензентъ заключаетъ свой разборъ слѣдующими словами:

«Если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно таковымъ, причемъ она, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ право признать эту книгу вполнѣ достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

... что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ...»

Принимая во вниманіе вышеизложенныя замѣчанія г. рецензента, Комиссія признала представленный на соисканіе Пушкинскихъ премій трудъ В. П. Авенаріуса «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній» заслуживающимъ почетнаго отзыва.

Разборъ стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Апол-

лону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ онъ самъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ успѣлъ однако заняться просмотромъ Сборника Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, все натурально, и что всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы безсознательное, натура неизломанная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строки, находящіяся въ стихотвореніи «Ожиданіе»:

А въ рощѣ молодой, прохладной и тѣнистой,
Душистыхъ ландышей селеніе ростетъ;
Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
Волшебный ароматъ далеко разольетъ...

Противъ этого стихотворенія Аполлонъ Николаевичъ написалъ: «мило и оригинально», и дѣйствительно оно принадлежитъ къ числу наиболѣе своеобразныхъ произведеній Е. А. Бекетовой какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ.

Разбросанныя по Сборнику Е. А. Бекетовой замѣтки Аполлона Николаевича Майкова приведены въ порядокъ его братомъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ, и, взятыя въ цѣломъ, являются вѣрнымъ подтвержденіемъ отзыва, высказаннаго поэтомъ. Находящимися при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣтками Аполлонъ Николаевичъ хотѣлъ указать на особенно художественныя и могущія быть названными безотносительно прекрасными. Одна изъ такихъ пьесъ называется «Весна», и хотя касается предмета, безконечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Я снова средь полей, среди уединенья;
Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
И наяву меня тревожатъ сновидѣнья,
И призраки опять встаютъ передо мной.

* * *

Куда влечетъ меня, чего хочу — не знаю;
Но все стремлюсь душой въ таинственную даль,
И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
И все томитъ меня безвѣстная печаль...

* * *

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
Но увлекла меня весенняя волна...

* * *

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... иль къ кому... неясная любовь...

* * *

Аполлонъ Николаевичъ подчеркнулъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Полное посмертное изданіе стихотвореній Е. А. Бекетовой даетъ возможность, — говоритъ Л. Н. Майковъ въ концѣ разбора, — познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяетъ сказать, что ея имя не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь въ своемъ отзывѣ обратить вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ спра-

ведливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, возложеннымъ на ея могилу.

Комиссія вполнѣ раздѣлила мнѣніе покойнаго поэта.

Въ изъявленіе признательности Академіи гг. постороннимъ рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ей правомъ, присудило золотыя Пушкинскія медали: членамъ-корреспондентамъ: графу А. А. Голенищеву-Кутузову, А. И. Кирпичникову, Я. П. Полонскому и А. Н. Пыпину и гг. И. Ѳ. Анненскому, П. И. Вейнбергу, В. П. Острогорскому, И. Н. Потапенку и И. А. Шляпкину.

Въ заключеніе настоящаго отчета считаю долгомъ отъ имени Отдѣленія помянуть теплымъ словомъ А. Н. Майкова. Покойный поэтъ принималъ близко къ сердцу интересы Пушкинскихъ конкурсовъ, такъ какъ по нимъ можно было слѣдить за движеніемъ и успѣхами отечественной литературы. Онъ постоянно присутствовалъ на этихъ конкурсахъ и нерѣдко по просьбѣ Отдѣленія, о чемъ оно съ благодарностію вспоминаетъ, составлялъ для нихъ исполненные тонкаго и вѣрнаго художественнаго вкуса разборы сочиненій, поступавшихъ на соисканіе Пушкинскихъ премій, и въ нихъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ отдѣлялъ пшеницу отъ плевелъ и даже въ послѣднихъ старался находить то, что̀ заслуживало вниманія. Оцѣнкою сочиненія А. Н. Майкова— «Два міра» открылись Пушкинскіе конкурсы, а въ сегодняшнемъ засѣданіи мы слышали его посмертное слово. Отсутствіе нашего маститаго поэта при присужденіи Пушкинскихъ премій въ нынѣшнемъ году было весьма замѣтно и, несомнѣнно, будетъ чувствоваться и при послѣдующихъ конкурсахъ.

I.

Пѣснь о Роландѣ (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897.

Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ.

Еще 160 лѣтъ назадъ извѣстный «труженикъ» на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ россіяне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить «на нашъ Россійскій языкъ» «все что преизрядиѣйшее, все что полезиѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Извѣстно, съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Ролленя и пр.) или «преизряднѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогащалась переводами всего «преизряднѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтущіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ: не говоря о выдающихся произведеніяхъ текущей европейской литературы, которыя, не смотря на добрый обычай сообщать заранѣе о предпринятомъ переводѣ въ газетахъ, иногда появлялись въ нѣ-

сколькихъ переводахъ одновременно, классики всѣхъ временъ и народовъ переводились и отдѣльно и цѣлыми собраніями въ такомъ количествѣ, что сотни, если не тысячи великихъ произведеній до сихъ поръ у насъ имѣются только въ переводахъ екатерининскаго времени. Переводчиками были и тайные дѣйствительные совѣтники и офицеры и сержанты гвардіи, и семинаріи студенты, и даже дворовые «человѣки» изъ знатныхъ домовъ; точно всякій, кто *цѣлъ искусствомъ* хотя бы одного французскаго языка и имѣлъ возможность собрать нѣсколько десятковъ рублей на изданіе книжки или найти издателя, считалъ себя обязаннымъ потрудиться на этомъ поприщѣ не для выгоды, конечно, и даже не для славы — имена переводчиковъ мы узнаемъ большею частію только изъ цензурныхъ архивовъ, — а изъ внутренней почти инстинктивной потребности дать возможность своимъ согражданамъ хоть *какъ нибудь* познакомиться со всѣмъ, «что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ».

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ эти переводы наши дѣды и прадѣды могли знакомиться съ образцовыми произведеніями иностранной литературы только *какъ нибудь:* стихотворныя произведенія переводились тяжелой прозою; произведенія англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда сокращеній и передѣлокъ; не всегда переводы были «довольно вразумительны» не потому, что переводчикъ спѣшилъ или относился къ своему дѣлу небрежно (какъ это часто бываетъ въ наше время), а потому что онъ не довольно *цѣлъ искусствомъ* въ томъ языкѣ, съ котораго переводилъ, или былъ недостаточно развитъ для пониманія переводимаго. Тѣмъ не менѣе отечественная словесность наша, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались, шли впередъ именно благодаря безкорыстнымъ трудамъ этихъ безыменныхъ переводчиковъ.

Пушкинскій и вообще весь классическій періодъ русской литературы (до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева включительно) бѣднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ; но за то

эти переводы несравненно лучше, а иные изъ нихъ являются совершенствомъ въ томъ или другомъ родѣ: припомнимъ переводы Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, Иліаду Гнѣдича, Адъ Данта Мина, переводы съ греческаго и латинскаго, помѣщенные въ Пропилеяхъ и пр. и пр.; даже иные переводчики романовъ (какъ напр. Иринархъ Введенскій) достигали высокаго искусства и почетной, вполнѣ заслуженной извѣстности. Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ, какъ научныхъ сочиненій, такъ и произведеній беллетристическихъ; первые въ значительномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ удовлетворительны; переводы романовъ и повѣстей часто добросовѣстны и удачны; но многіе (едва ли не большая часть) ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ екатерининскаго и александровскаго времени. Причина этого теперь другая: не незнаніе иностранныхъ языковъ и не недостатокъ развитія — предложеніе труда со стороны образованныхъ людей и тогда, какъ теперь, у насъ далеко превышало спросъ, а крайняя небрежность переводчиковъ и издателей, которые работали «на спѣхъ» до такой степени, что болѣе или менѣе требовательныхъ читателей рѣшительно лишали возможности пользоваться произведеніями русской переводной литературы, если только послѣднія появлялись не подъ отвѣтственностью солидныхъ журналовъ или извѣстныхъ въ литературѣ именъ. Та же торопливость умственной жизни русскаго общества того времени (вполнѣ удовлетворительно объясняемая историческими причинами) мѣшала приниматься за переводы обширныхъ *эпическихъ* произведеній, написанныхъ стихами[1]); но такъ какъ умственно-возбужденная русская публика желала знакомиться и

[1]) Шекспиръ и др. драматурги до Кальдерона и Лопе де Вега включительно, въ которыхъ нуждалась принявшая серьозное направленіе русская сцена, еще находили переводчиковъ и иногда очень хорошихъ. Счастливое исключеніе составляли также нѣмецкіе классики, Шиллеръ, Гете, Лессингъ, за переводъ которыхъ принимались люди, прекрасно къ тому подготовленные и способные; но и въ ихъ работѣ нельзя не видѣть нѣкоторой спѣшности, почти не бывалой въ 1840-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ.

съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія, и даже довольно солидныя изслѣдованія о нихъ находили себѣ мѣсто въ литературныхъ журналахъ.

Къ серединѣ 1880-хъ годовъ положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части публики возрастаетъ; спѣшность въ работѣ слабѣетъ, и за важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, спеціально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвятить работѣ если не двадцать лѣтъ, какъ Гнѣдичъ переводу Иліады, то во всякомъ случаѣ два-три года свободнаго, но упорнаго труда.

Отъ такихъ стоящихъ на уровнѣ своей трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ Калевалу (перевелъ г. Бѣльскій), Пѣснь о Нибелунгахъ (г. Кудряшовъ), и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣланъ ученикомъ А. Н. Веселовскаго, спеціалистомъ по романскимъ нарѣчіямъ, графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ, А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «Графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить тому и другому требованію (сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и «печать времени» и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ) и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и въ виду стиха вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился *словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стиля и образовъ*. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать

одинъ изъ поэтичнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей».

Нижеподписавшійся всецѣло присоединяется къ этому авторитетному сужденію академика А. Н. Веселовскаго, равно какъ и раздѣляетъ его надежду на будущій успѣхъ труда графа де Ла-Барта у русской публики [1]). Онъ только постарается мотивировать это сужденіе приведеніемъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ, по его убѣжденію, *особенно* удачно; затѣмъ онъ перейдетъ къ перечисленію немногихъ недосмотровъ и мѣстъ, которыя, какъ онъ думаетъ, можно было бы передать ближе къ тексту, и въ заключеніе укажетъ, чѣмъ, по его крайнему разумѣнію, слѣдовало бы пополнить введеніе къ переводу.

Пѣснь о Роландѣ по Оксфордскому тексту начинается такъ:

Carles li reis, nostre emperere magnes,
Set anz tuz pleins ad estet en Espaigne:
Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne.
N'i ad castel ki devant lui remaignet;
Mur ne citet n'i est remés à fraindre
Fors Sarraguce, ki est en une (mun)taigne.
Li reis Marsilie la tient, ki Deu n'en aimet,
Mahummet sert e Apollin recleimet;
Ne s'poet guardev que mals ne li ateignet.

---

[1]) Между прочимъ я увѣренъ, что Пѣснь о Роландѣ въ этомъ изящномъ переводѣ должна служить прекраснымъ чтеніемъ для мальчиковъ отъ 10—13, 14 лѣтъ: извѣстно, какъ наши дѣтскія и ученическія библіотеки бѣдны занимательными и въ тоже время здоровыми, не разслабляющими нервы, подобно большинству современныхъ дѣтскихъ повѣстей, книгами именно для этого возраста. Поэма настолько безупречна въ нравственномъ отношеніи, что для дѣтскаго изданія изъ нея не понадобится исключать ни одного стиха (а развѣ только сократить перечисленіе полковъ Балигана). Если же снабдить такое изданіе по возможности исторически-вѣрными иллюстраціями: снимкомъ съ рукописи, изображеніями вооруженія, одежды, мебели и пр., мы получимъ книгу, чрезвычайно полезную и для преподавателя исторіи.

Графъ де-Ла-Бартъ переводитъ:

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
И до моря вся горная страна
Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стѣны ихъ разсыпались во прахъ.
Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
Что на горѣ стояла: царь Марсилій
Владѣетъ ею; въ Бога онъ не вѣритъ,—
Онъ Аполлину служитъ, Мухамеду,—
Но близокъ часъ погибели его.

Считаю излишнимъ распространяться о томъ, насколько цѣлесообразно поступилъ переводчикъ, съ одной стороны удержавъ нестѣснительный размѣръ оригинала и съ другой отказавшись отъ воспроизведенія на русскомъ языкѣ малообычныхъ для него ассонансовъ [1]). Обращаю вниманіе на свободное и легкое построеніе стиха и фразы, которое совсѣмъ не отзывается переводомъ, а производитъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія и на эффектъ и силу послѣдней строчки, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ подлинникѣ. Но не слѣдуетъ ли это обстоятельство поставить въ упрекъ переводчику? По моему убѣжденію, ни коимъ образомъ. Если переводчикъ, оставаясь въ предѣлахъ «словаря поэмы» и въ кругѣ ея понятій, можетъ мѣстами выразиться понятнѣе и лучше оригинала, лишать себя этой возможности и употреблять тяжелый оборотъ текста было бы такъ же неразумно, какъ гравёру хорошей старинной картины воспроизводить пятно, явившееся на оригиналѣ отъ времени или отъ нечаянной порчи.

Li reis при имени Карла гр. де-Ла-Бартъ переводитъ: *державный* (дальше много разъ — *король*); то же слово при имени

[1]) Они употребительны только въ пословицахъ.

Марсилія—царь (сравни былинное: воръ-собака Калинъ-*царь*); опять-таки это, по моему мнѣнію, удачная и вполнѣ дозволительная поправка къ тексту.

Tuz pleins графъ де-Ла-Бартъ могъ бы перевести ближе; онъ могъ бы сказать:

Семь *цѣлыхъ* лѣтъ. . .

Но кто не согласится, что «семь *долгихъ* лѣтъ. . .» красивѣй и рельефнѣе, и выражаетъ именно тотъ оттѣнокъ утомительности, который желалъ выразить поэтъ?

Точно также въ ст. 4 было бы ближе:

. . . Сдались *всѣ* замки Карлу;

но *сдалися Карлу замки* и звучнѣй и картиннѣй, а мысль выражена та же самая: если Карлъ не взялъ «одной лишь Сарагоссы», ясно, что онъ взялъ *всѣ* другіе замки.

Въ ст. 17 *cunfundre* превосходно передано глаголомъ *разгромить*.

Ст. 21 Si m'guarisez e de mort e de hunte—прекрасно переданъ сложнымъ предложеніемъ:

Какъ уйти отъ смерти
И какъ вѣрнѣй позора избѣжать.

Въ ст. 37 и слѣд. (какъ и много разъ ниже) косвенная рѣчь Бланкандрина передана прямою, что̀ придаетъ ей бо̀льше рельефности и живости.

Ст. 96: Li empereres se fait e balz et liez—превосходно переданъ нашимъ пѣсеннымъ выраженіемъ:

Могучій Карлъ и *радостенъ и сытелъ*.

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ Chanson de Roland народнаго и личнаго элемента, въ строго надлежащей мѣрѣ пользуется русскими

былинными и пѣсенными оборотами, пуская въ ходъ тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей личной поэзіи не поражаютъ необычностью.

Превосходно краткое описаніе наружности Карла въ ст. 117 и слѣд., вѣрное не буквѣ, но смыслу оригинала.

Волной сѣдыя кудри ниспадаютъ,
А борода его бѣлѣе снѣга.
Прекрасенъ Карлъ, горда его осанка.

Очень удачно переведена эпическая формула ст. 157-го

Bels fut li vespres e li soleilz fut cler.
Пылалъ закатъ; свѣтило ярко солнце.

Удачно передаются формулы: «dulce France» — *Франція-краса*; *par grant saveir* — *съ большимъ искусствомъ* и мн. др.

Вотъ, на выборъ изъ многихъ, два-три примѣра строфъ, переведенныхъ особо удачно (можно сказать: безукоризненно) отъ перваго стиха до послѣдняго

Стр. XXV: Quant ço veit Guenes qu'ore s'en rit Rollanz,
Dunc ad tel doel, pur poi d'ire ne fent,
A ben petit que il ne pert le sens,
E dit al cunte: To ne vus aim nient;
Sur mei avez turnet fals jugement.
Dreiz emperere, veiez me ci en present,
Ademplir voeill voste comandement.

Услышалъ смѣхъ Роланда Гапелонъ;
Въ его груди отъ горя и досады
Такъ сжалось сердце, что едва-едва
Онъ устоялъ: «тебя я ненавижу!»
Воскликнулъ онъ: «лишь по винѣ твоей
Неправедно въ послы я нынѣ избранъ!..
Правдивый Карлъ, я здѣсь передъ тобою
И что велишь — исполню въ тотъ же мигъ».

Стр. LVII: Tresvait li jur, la noit est aserie
Carles se dort, li empereres riches;
Sunjat qu'il eret as greignurs porz de Sizer,
Entre ses poinz teneit sa hanste fraisnine;
Guenes li quens l'ad (de)sur lui saisie,
Par tel aïr l'at trusseé e brandie,
Qu'envers le cel en volent les esclices.
Carles se dort qu'il ne s'esveillet mie.

Проходитъ день, сгустился сумракъ ночи.
Могучій Карлъ почилъ и видитъ сонъ:
Онъ у воротъ широкихъ цезарейскихъ;
Въ рукѣ копье изъ ясеня онъ держитъ;
Вдругъ Ганелонъ схватилъ копье, тряхнулъ—
И отъ него осколки разлетѣлись . . .
Все спитъ король — до утра не проснулся [1]).

Или изъ конца, стр. CCLXXI:

Païen sunt morz, alquant turnet en fuie,
E Carles ad sa bataille vencue.
De Sarraguce ad la porte abatue,
Or set il ben que n'est mais defendue;
Prent la citet, sa gent i est venue.
Par poëstet icele noit i jurent.
Fiers est li reis à la barbe canue,
E Bramidonie les turs li ad rendues;
Les dis sunt grandes, les cinquante menues.
Mult ben espleitet qui damnes Deus aïuet.

Великій Карлъ разбилъ полки невѣрныхъ,—
Побитыхъ тьма,— другіе разбѣжались!
Повержены ворота Сарагоссы:
Ничто не можетъ Карлу быть преградой,

[1]) Отмѣчу также какъ особенно удачно переведенную строфу 127-ю.

Вошелъ онъ въ городъ, съ нимъ его дружины,
Проспали тамъ до утренней зари.
И гордъ и свѣтелъ Карлъ сѣдобородый.
Ему ключи вручила Брамимонда
Великихъ башенъ больше десяти
И малыхъ башенъ больше полусотни
Да, счастливъ тотъ, кому поможетъ Богъ!

Отмѣчаю нѣкоторые случаи[1]), гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходится съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по моему убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Въ ст. 518 Ганелонъ отвѣчаетъ Марсилію: Jo ne l'desotrei mie, что̀ Готье переводитъ: Je ne *les* refuse point. Но такъ какъ рѣчь идетъ пока только объ одномъ подаркѣ — о дорогой шубѣ, которую Марсилій предлагаетъ Ганелону въ вознагражденіе за свою грубость, то въ русскомъ переводѣ мы читаемъ:

Охотно, царь, подарокъ принимаю.

Въ ст. 1480 мы читаемъ:

As innocenz vos en serez séant.

По моему мнѣнію, архіеп. Турпинъ обѣщаетъ христіанскимъ воинамъ, которые падутъ въ битвѣ съ невѣрными, не только рай вообще, но и указываетъ имъ спеціальное мѣсто въ немъ вмѣстѣ съ младенцами, которыхъ избилъ Иродъ. Извѣстно, что эти младенцы, какъ первые мученики за Христа, на католическомъ западѣ пользовались великимъ почтеніемъ и что объ нихъ слага-

[1]) Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что подобныхъ случаевъ не одинъ десятокъ; но я не считалъ себя обязаннымъ сличать весь переводъ гр. де-Ла-Барта съ переводомъ Готье и другими, а привожу только два-три образчика того, что стихотворный переводъ ближе къ тексту, нежели прозаическій, напечатанный en regard и сдѣланный извѣстнымъ спеціалистомъ, въ доказательство внимательности русскаго переводчика.

лись очень поэтичныя легенды[1]), не безъ вліянія иконографіи, обильно пользовавшейся этимъ трагическимъ сюжетомъ. Христіанскіе воины, «на брани убіенные», приравнивались именно къ этимъ св. младенцамъ.

Готье не обратилъ на это вниманія, и вышеприведенный стихъ перевелъ

Demain vous y (въ раю) serez assis tout prés des Saints

и въ словарѣ объяснилъ, что innocenz значитъ les Saints en general.

Гр. де Ла-Бартъ переводитъ ближе:

Вы завтра всѣ возсядете средь хора
Святыхъ страдальцевъ.

Ст. 3323 Plus qu'on ne lancet une verge pelée Готье переводитъ: de plus loin que le jet d'un baton. Но pelée отъ *pellis* мѣхъ, шерсть или отъ *pilus* волосъ; во всякомъ случаѣ *verge pelée* — прутъ оперенный, т. е. стрѣла.

Гр. де Ла-Бартъ такъ и переводитъ:

И на полетъ стрѣлы впередъ отъѣхалъ (стр. 244).

Въ доказательство внимательности переводчика и точности перевода я могу привести такой характерный случай: на стр. 236-й графу де Ла-Барту не удалось умѣстить въ стихъ, что Торлей — царь Персидскій — обстоятельство, въ сущности не важное; но онъ все же ради точности находитъ для него мѣсто въ слѣдующей 237-й строфѣ.

---

[1]) Какъ, напр., одна знатная женщина, желавшая принести высокую жертву Христу и пріобрѣсти за себя ходатая на небесахъ, но не имѣвшая дѣтей, вымолила себѣ у Господа ребенка (былъ чудесно оживленъ младенецъ изъ воску), который и былъ убитъ воинами Ирода; какъ матери, пытавшіяся спасти своихъ чадъ въ лѣсахъ отъ смерти за Христа, были наказаны тѣмъ, что ихъ младенцы обратились въ совъ и т. д.

Большая трудность представлялась переводчику въ выдуманныхъ именахъ небывалыхъ языческихъ народовъ, составлявшихъ армію Балигана, и онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ счастливо побѣждаетъ ее, пользуясь замѣтками о Chanson de Roland, разбросанными въ спеціальныхъ журналахъ[1]).

Что касается до способа передачи французскихъ собственныхъ именъ, то *Немонъ* Баварскій вмѣсто столь извѣстнаго по балладамъ Жуковскаго *Наима* сразу можетъ непріятно поразить читателя; но многочисленныя параллели и прежде всего *Guenes*, косв. Guenelun, котораго всегда передаютъ *Ганелонъ*, убѣдятъ его, что для перевода необходимо брать форму косвенныхъ падежей.

Въ заключеніи этого отдѣла моей рецензіи не могу не указать хотя бы нѣсколькихъ трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно.

Ст. 705 Ço dit li reis que sa guere out finée. Въ переводѣ (стр. 56-я):

И молвилъ Карлъ: конецъ войнѣ жестокой!

Ст. 842—3. C. milie Francs pur lui unt grant tendrur

E de Rollant merveilluse poür.

Переведено (стр. 69):

идутъ печально франки,
Боятся всѣ, трепещутъ за Роланда.

Въ строфѣ 80-й въ оригиналѣ Роландъ обращается только къ Оливьеру; но по смыслу вторая половина его рѣчи должна быть обращена ко всѣмъ французамъ, и переводчикъ смѣло и

---

[1]) Я только не могу понять, чѣмъ руководствуясь, перевелъ онъ *Argoiller* стиховъ 3259 и 3474 словомъ *Жмудь* (въ ст. 3527 Arguille переведено Аргойльцы; см. стр. 261); во всякомъ случаѣ Жмудь въ Африкѣ (см. стр. 258) производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

находчиво передаетъ его отвѣтъ обращеніемъ: *Товарищи!* Замѣчательно удачно передана красивая и въ текстѣ постепенность сближенія войскъ въ окончаніяхъ строфъ 92-й и 93-й.

Ст. 1169: A cez paroles vunt les oz ajustant.

Переводъ:

На бой дружины начали сходиться.

Ст. 1187: Francs e païens as les vus ajustez.

Переводъ:

Смотрите, вотъ на бой сошлись дружины!

Въ ст. 1647 архіеп. Турпинъ говоритъ о своемъ противникѣ:

Unches n'amai cuard ne cuardie.

Cuard обыкновенно значитъ *трусъ;* но мрачный Абизмъ въ чемъ другомъ, а въ трусости не повиненъ, и потому въ переводѣ: «Я никогда терпѣть не могъ *кичливыхъ*». Въ передачѣ трудныхъ и для буквальнаго перевода ст. 1790 и слѣд. мы находимъ у гр. де Ла-Барта и изящный переводъ и необходимый комментарій.

Очень красиво и въ тоже время близко къ тексту переведены короткія, но сильныя описанія природы, свойственныя народному эпосу; напр. стихи 1830—1 (въ переводѣ стр. 140):

Высокъ и грозенъ рядъ вершинъ угрюмыхъ,
На днѣ долинъ ручьи струятся быстро.

Ст. 2007 Jo l'vos parduins ici e devant Deu
переведенъ замѣчательно просто и точно:

Пусть васъ проститъ Господь.

Въ разсказѣ о смерти Оливьера (ст. 2010 и слѣд.) цѣлый рядъ трудностей побѣжденъ чрезвычайно удачно.

Въ ст. 2583 lessev cunfundre можно ли перевести лучше, какъ народнымъ выраженіемъ: «дать въ обиду» (у гр. де Ла-Барта стр. 189, 12)? И т. д. и т. д.

Нельзя, по моему мнѣнію, лучше перевести и загадочнаго послѣдняго стиха поэмы:

Ci falt la geste, que Turoldus declinet —
Здѣсь прерваны Турольдовы «сказанья».

Въ виду особенностей стиля Пѣсни о Роландѣ и заявленія академика А. Н. Веселовскаго о вставкѣ «лишнихъ словъ» переводчикомъ можно бы думать, что гр. де Ла-Бартъ поневолѣ удлинилъ поэму нѣсколькими сотнями стиховъ, которые не могутъ не ослабить впечатлѣнія. Но вотъ какіе результаты далъ мнѣ довольно, смѣю надѣяться, тщательный подсчетъ. Болѣе всего прибавлено стиховъ въ началѣ поэмы, пока переводчикъ не вошелъ еще въ ея отчасти ляпидарный стиль[1]).

Но послѣ трехъ сотъ приблизительно стиховъ на 3 случая прибавки стиха мы имѣемъ два и болѣе случая, въ которыхъ переводчику удавалось передать однимъ стихомъ два стиха текста, большею частію безъ пропуска какого либо даже незначительнаго оттѣнка[2]). Въ послѣдней четверти поэмы отношеніе между числомъ стиховъ въ текстѣ и въ оригиналѣ уравнивается, иначе сказать, достигаетъ *идеала*.

Перехожу къ перечисленію тѣхъ мѣстъ, которыя, по моему мнѣнію, переведены неудачно или не вполнѣ удачно, при чемъ считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что въ этомъ отдѣлѣ моего отзыва я позволяю себѣ быть даже придирчивымъ, въ такой

---

[1]) Вмѣсто одного стиха текста два стиха у переводчика: стр. 5, 13, 23, 100, 116, 126, 240, 287, 300, 306 (3 стиха вмѣсто одного), 316, 364, 449, 467, 536 и т. д. Полтора стиха вм. одного: 716, 802, 840 и т. д. Больше всего «лишнихъ словъ» противъ текста въ стр. 86, гдѣ 15 стиховъ переданы 21.

[2]) 343—4, 434—5, 630—1, 707—8, 994—5, 1034—5, 1593—4, 1639—40, и т. д. Въ стр. 206-й 10 стиховъ передано 7-ю, при чемъ ничего кромѣ ненужной здѣсь формулы въ ст. 2852, не пропущено.

мѣрѣ, какую только допускаетъ справедливость. Такъ, если извѣстный стихъ или выраженіе при первомъ чтеніи мнѣ показались неловкими, а при второмъ (параллельномъ съ оригиналомъ) я примирился съ этой неловкостью или тяжеловатостью, я все же помѣщаю это мѣсто въ предлагаемый списокъ; а съ другой стороны вношу въ него и то мѣсто или стихъ, которые произвели на меня неблагопріятное впечатлѣніе недостаточной точностью только при вторичномъ чтеніи. Относительно точности я позволяю себѣ быть почти настолько требовательнымъ, какъ будто графъ Де-ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій изъ тѣхъ, какіе помѣщаются en regard съ текстомъ, для лучшаго пониманія послѣдняго.

Такъ поступаю я въ надеждѣ, что мои замѣчанія обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особенно строгою критикой къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ, и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ и, такъ сказать, шлифовкѣ.

2-я строфа начинается стихомъ:

Li reis Marsilie esteit en Sarraguce

Переведено:

Однажды былъ Марсилій въ Сарагоссѣ.

Прибавленное слово: *однажды*, я полагаю, не соотвѣтствуетъ величавому тону эпоса, вноситъ въ картину элементъ случайности, неопредѣленности, какъ бы анекдотичности[1]); это сказочное, а не былевое слово, выходящее въ данномъ случаѣ, по выраженію А. Н. Веселовскаго, изъ условій стиля и образовъ поэмы.

---

[1]) Можетъ быть, возможно воспользоваться эпитетомъ изъ 1-й строфы:

Марсилій былъ въ нагорной Сарагоссѣ.

Стихъ 33. Изъ рѣчи сарацина Бланкандрина:

Cinquante carres qu'en ferat cariev,

Переведено:

Чтобъ *славный* Карлъ, французовъ повелитель,
Возовъ огромныхъ больше полусотни
Могъ нагрузить богатыми дарами. . .

Въ народномъ эпосѣ, какъ извѣстно, преимущественно въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ въ большомъ ходу *окаменѣлые* эпитеты, употребляемые безъ вниманія къ тому, соотвѣтствуетъ ли въ данномъ случаѣ эпитетъ настроенію говорящаго (такъ, и татары называютъ нашу землю *свято-русскою*, Идолище самъ себя называетъ Идолище *поганое*); но вставлять ихъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ оригиналѣ, переводчикъ едва ли имѣетъ право, тѣмъ болѣе что онъ и самъ признаетъ (см. Введеніе XII, XVIII и др.) въ Пѣсни о Роландѣ присутствіе личнаго художественнаго творчества, по условіямъ котораго похвалы Карлу въ устахъ Бланкандрина не возможны.

Послѣ перечисленія пословъ сарацинскихъ (стихъ 69) переводчикъ вставляетъ отъ себя стихъ:

Посольства цѣль Марсилій объясняетъ.

По моему мнѣнію, онъ ни на что не нуженъ, такъ какъ за нимъ непосредственно слѣдуетъ самая рѣчь Марсилія.

Стихи 72—3:

Branches d'olives en voz mains porterez,
Ço seneſiet pais e' *humilitet.*

Переводъ:

Возьмите каждый въ руки вѣтвь оливы,
Какъ символъ мира.

Слово humilitet здѣсь слишкомъ важно и не должно быть опущено безслѣдно.

Стихъ 87 переданъ слишкомъ вольно:

S'il voelt ostages, il en avrat par veir.

(Если онъ хочетъ заложниковъ, онъ дѣйствительно получитъ ихъ).

Въ переводѣ:

Сколько ты ни спросишь,
Онъ дастъ тебѣ въ заложники *людей*.

Такъ какъ заложники обречены на гибель, то вовсе не въ интересахъ Марсилія предлагать ихъ въ большомъ количествѣ [1]).

Стихъ 91: Сѣдла всѣ *литого* серебра.

Въ оригиналѣ:

(Les seles d'argent mises).

Литыя сѣдла не удобны по своей тяжести.

Стихъ 98: *Od ses cadables* les turs en abatied.

Переведено:

На землю онъ повергъ твердыни башенъ.

Можно бы ближе: Машинами повергъ и пр.

Стихъ 105: Anséis li *fiers*, переведено: «Ансеисъ *надменный*».

«Надменный» — порицаніе; а здѣсь нуженъ похвальный эпитетъ.

Ст. 179: Dès or *cumencet* le conseill que mal prist.

Переведено:

Тогда совѣтъ былъ *принятъ*,
Принесшій франкамъ столько тяжкихъ бѣдъ.

---

[1]) Переводчикъ остается вѣренъ себѣ и дальше: въ строфѣ 16 Нэмонъ говоритъ Карлу о Марсиліи:

Сколько хочешь,
Заложниковъ онъ дать намъ обѣщаетъ.

Но этого нѣтъ въ оригиналѣ (стихъ 241).

Вм. *принятъ* ближе будетъ *начатъ*, что̀ не разрушитъ стиха.

Ст. 223: Qu'il devendrat jointes ses mains tis hom, въ переводѣ слишкомъ усилено:

Рабомъ твоимъ покорнымъ стать;

tis hom только — «твой вассалъ».

Стихъ 259: Respunt li reis: «Ambdui vos en taisez» — въ переводѣ слишкомъ рѣзокъ:

Молчать, бароны! Карлъ воскликнулъ грозно.

Ст. 283: Ço ad tut fait Rollanz (Ганелонъ говоритъ Карлу) переведенъ:

Всему виной одинъ лишь твой племянникъ.

Такимъ образомъ въ переводѣ оказывается косвенная дерзость Карлу, которой нѣтъ въ текстѣ.

Ст. 287: Desfi les en, sire, vostre veiant.

Переведено:

Всѣхъ передъ *ликомъ* (?) Карла
На смертный бой *не медля* вызываю.

Текстъ не указываетъ на неотложность поединка.

Въ ст. 386 на основаніи, для меня непонятномъ, переводчикъ *une vermeille pume* (румяное яблоко) передалъ словами: *шаръ пурпурный;* едва ли такое символическое представленіе соотвѣтствуетъ духу поэмы. Непонятно мнѣ также, почему въ ст. 417: qui seintes leis tenuns (чьи св. законы мы держимъ) 1-е лицо мн. ч. замѣнено 2-мъ ед. ч. (коимъ служишь ты), когда — «коимъ служимъ мы» — давало бы стихъ на столько же правильный.

Въ ст. 444 Ганелонъ извлекаетъ свой мечъ *на два пальца*

(Contre dous deiz l'ad del furrer getée);

Въ переводѣ:

Свой добрый мечъ извлекъ *на половину*,

что̀ представляетъ ненужное усиленіе красокъ[1]).

Ст. 476: En Sarraguce vus vendrat *aseget;*

Въ переводѣ:

Могучій Карлъ *оцѣпитъ* Сарагоссу.

Отчего не *осàдитъ?*

Ст. 541: Tanz col(p)s ad pris de lances e déspiez (столько ударовъ копій и дротиковъ принялъ онъ)—

переведенъ:

Его такъ много копій *пронизало*[2]).

Опять излишнее усиленіе красокъ.

Ст. 595: N'avrez mais guere en tute vostre vie—

переведено:

И *долгій* миръ въ награду ты вкуси́шь.

Было бы ближе: И *вѣчный* миръ и пр.

Я не понимаю, почему въ ст. 617 (тоже и въ ст. 1519) Valdabrun̄s передано по-русски Вальдабрѝнъ.

Неудачно переданъ послѣдній стихъ строфы 53 (ст. 660):

Pois est munted, entret en sun veiage

(потомъ онъ сѣлъ на коня, отправляется въ путь).

«Ужъ мнѣ пора!» сказалъ въ отвѣтъ на это
Графъ Ганелонъ — и *шпоры далъ коню.*

---

[1]) Стихъ не разрушился бы:

Свой добрый мечъ извлекъ онъ на два пальца.

[2]) Ср. тоже въ строфѣ 43, ст. 4; въ оригиналѣ (ст. 554) опять-таки: tanz colps ad pris....

Читатель изъ этого можетъ заключить, что весь предыдущій разговоръ въ саду Сарагоссы съ Марсиліемъ, Брамимондой и др. Ганелонъ велъ, сидя верхомъ.

Мнѣ непонятно, почему въ ст. 682 переводчикъ вм. 400,000 сарацинъ текста Оксфордскаго принялъ 300,000; именно 400,000 упоминается и раньше и позднѣе, и въ видахъ Ганелона представить Марсилія совсѣмъ лишеннымъ военной силы.

Ст. 696: *Jointes ses mains* (сложивъ свои руки)—

переведено:

Передъ тобою *стоя на колѣняхъ . . .*

Опять излишнее усиленіе.

Ст. 738: Li empereres mult fierement chevalchet — переведенъ слишкомъ вольно и не вполнѣ удачно:

Во весь опоръ несется императоръ.

Предводительствуя большой арміей, покойно возвращающейся на родину, неудобно нестись во весь опоръ[1]).

Ст. 773: Ne poet muer que de (ses) oilz ne plurt,

переведенъ:

И горько вдругъ *заплакалъ-зарыдалъ.*

Здѣсь по смыслу и малый плачъ текста не вполнѣ умѣстенъ (бороду треплетъ Карлъ больше съ досады и въ раздумьѣ, чѣмъ съ горя), а переводчикъ, плѣненный красивымъ оборотомъ, усилилъ краски до крайности[2]).

Ст. 796: Anseis li veillz текста, не знаю, почему, изчезъ въ переводѣ, а эпитетъ старика приданъ Жерарду.

Ст. 899: Fust chrestiens, asez oüst barnet (еслибъ онъ былъ

---

[1]) Тоже ср. и выше строфа 56, стихъ 5 (текстъ ст. 706). Кстати: я не понимаю, почему слѣд. стихъ переведенъ не по оксфордскому тексту.

[2]) Умѣстнѣе плачъ въ ст. 825 (въ переводѣ строфа 67 въ концѣ), но *рыданье* и тамъ слишкомъ сильно.

христіаниномъ, онъ былъ бы добрымъ витяземъ) — почему: то оставленъ безъ перевода; а стихъ, если не необходимъ для послѣдующаго, то характеренъ самъ по себѣ [1]).

Въ строфѣ 75-й въ концѣ неловкое повтореніе:

Да, если франки встрѣтить насъ *посмьютъ*,—
Ихъ гибель ждетъ, а старый Карлъ отъ срама
Надѣть вѣнецъ свой больше *не посмѣетъ* [2]).

Въ ст. 1001 не выражено въ переводѣ:

Si chevalchent estreiz (ѣдутъ сжатыми рядами).

Въ переводѣ ст. 1097 (какъ и выше, въ ст. 105) *надменный* употреблено въ похвальномъ смыслѣ.

Послѣ ст. 1104 — переводчикъ, слѣдуя Готье, напрасно внесъ лишній стихъ и мысль, мало содержательную:

(Мы права не имѣемъ
На нихъ пенять).

Ст. 1160: Sun cumpaignun après le vait sivant (Его товарищъ слѣдуетъ за нимъ),
переведенъ:

Гарцуетъ *рядомъ* другъ его *прекрасный*.

Прекрасный едва ли можетъ считаться подходящимъ для Оливьера эпитетомъ. Вообще это прилагательное переводчикъ употребляетъ слишкомъ часто (см. строфу 92-ю, гдѣ онъ прибавилъ его, какъ эпитетъ къ самому Роланду).

Ст. 1181 (въ переводѣ строфа 93, ст. 12) — не понимаю, зачѣмъ переводчикъ, въ противность тексту, прибавилъ: *Сенъ-Денисъ*.

---

1) Переводчикъ исключилъ также ст. 917, но тотъ, дѣйствительно, ни на что не нуженъ.

2) Во второмъ случаѣ можно поставить: *не дерзнетъ* (мужское окончаніе см. въ слѣд. строфахъ).

Въ ст. 1218 *grand demi pied* (добрые пол-локтя) переведено: «пространство *больше* локтя».

Въ стихѣ 1284 (строфа 100-я, ст. 4) *les dubles* de sun osberc переведено *дубленая* броня; и далѣе нѣсколько разъ[1]) *dublez* (прич. прош. стр.) и *dubleines* (прилаг.) переводится словомъ *дубленый*. Зачѣмъ эта игра словъ? Переводчику, безъ сомнѣнія, извѣстно, что *дубленый* происходитъ отъ глаг. *дубить* (отъ сущ. дубъ), который ни по происхожденію, ни по значенію съ лат. *duplex* и съ романскими словами, происшедшими отъ типа *duplus*, *duplanus*, ничего общаго не имѣетъ.

Ст. 1358 Pois ad ocis Turgin e Esturgus опущенъ переводчикомъ; онъ, положимъ, не нуженъ для послѣдующаго; но нѣтъ основанія считать его вставочнымъ.

Въ той же строфѣ 97-й послѣ стиха 1360 переводчикъ вставляетъ полъ-стиха: «*Ты нынѣ безоруженъ*», что ослабляетъ или даже уничтожаетъ горькую эпическую иронію послѣдующихъ словъ Роланда.

Въ слѣд. строфѣ пропущенъ безъ основанія стихъ 1373:

La bone sele ki à or est gemmée.

Въ описаніи битвы арьергарда съ сарацинами (какъ и въ двухъ послѣдующихъ сраженіяхъ) нѣсколько разъ красивая и характерная подробность: *опускаетъ* (или опускаютъ) *поводья*, *колятъ шпорами*[2]) переводится слишкомъ общимъ: *помчались*, *мчится* и проч.

Соотвѣтственно этому переводчикъ не всегда находитъ выраженіе для изумительнаго разнообразія похвалъ добрымъ ударамъ (напр. ст. 1395).

Въ строфѣ 111-й не выраженъ сильный стихъ (ст. 1407):

Qu'en Sarragoce sa maisnée alat vendre

---

[1]) Напр. ст. 3088.

[2]) См. ст. 1381, 1574 и др.

(что въ Сарагоссу ѣздилъ продать свою родню) и потому слѣдующій стихъ:

За то потомъ онъ жизнью поплатился,

оказывается не логичнымъ: за что же платиться Ганелону жизнью, если онъ

Отправленъ былъ къ Марсилію посломъ?

По строфѣ 112-й (стихъ 5) перевода оказывается, что Роландъ, Оливьеръ и Турпинъ не считаются въ числѣ 12 перовъ:

Не отстаютъ отъ нихъ двѣнадцать перовъ,

а оригиналъ (ст. 1415) и переводъ въ другихъ мѣстахъ считаютъ не такъ. Послѣдній стихъ этой строфы: —

Что это скорбь *природы* по Роландѣ

вводитъ общее понятіе (природы), слишкомъ отвлеченное для той эпохи; это именно сло́во не изъ «словаря поэмы», по выраженію А. Н. Веселовскаго. (Въ оригиналѣ см. ст. 1437 оно, конечно, отсутствуетъ).

Строфа 114:

Долиной мчится грозный царь Марсилій
И съ нимъ его *безчисленная* рать [1]):
Десятка два *всего* полковъ могучихъ.

Безчисленная рать передъ указаніемъ числа полковъ — неудачное выраженіе, а вставочное слово *всего* [2]) придаетъ разсказу неумѣстный ироническій оттѣнокъ.

Въ переводѣ ст. 1513, повидимому, недосмотръ:

VII. Arrabiz i ad deschevalcet

---

[1]) Ст. 1450 Od sa grant ost que il out asemblée (съ большимъ войскомъ, которое онъ собралъ).

[2]) XX. escheles ad li reis anumbrées.

(Семерыхъ арабовъ сбросилъ онъ съ коня):

Семьсотъ арабовъ онъ свалилъ на землю.

Ст. 1545 (Trenchet)
. . . al cheval parfundement le dos

(разсѣкъ. . . глубоко спину коня),
переведено съ преувеличеніемъ:

И скакуна разсѣкъ.

Еще менѣе дозволительное преувеличеніе въ строфѣ 121, гдѣ мы читаемъ:

Изъ пастырей никто еще Турпину
Не могъ быть равнымъ вѣрной службой Богу
И доблестью на полѣ боевомъ.

Стало быть, по переводу поэтъ беретъ на себя опредѣлить не только боевыя качества Турпина, но и его великое достоинство, какъ архипастыря.

А въ текстѣ мы читаемъ (ст. 1563—4)

Tel coronet ne chantat unches messe,
Ki de sun cors féist (tan)tes proeces,

— т. е. не пѣвалъ никогда обѣдни (такой) священникъ, который совершалъ такіе подвиги своимъ тѣломъ.

Въ ст. 1685: Ço dit la geste,
переведено:

Такъ книги намъ и *пѣсни* говорятъ.

Хотя авторъ Пѣсни о Роландѣ, какъ убѣждены изслѣдователи, и пользовался народными кантиленами (былинами), онъ никогда не ссылается на нихъ, а не одинъ разъ (см. ниже) указываетъ на книгу, которую онъ называетъ Geste Francor или просто

geste, имѣя, безъ сомнѣнія, цѣлью внушить слушателю больше довѣрія. Произвольная добавка переводчика выставляетъ поэта въ иномъ свѣтѣ.

Недоумѣваю, почему переводчикъ опустилъ въ строфѣ 131-й три очень важные стиха 1708—10.

Конецъ слѣдующей (132-й) строфы — угроза Оливьера Роланду — выраженъ не совсѣмъ удачно:

Я бородой клянусь вамъ, если Богъ
Мнѣ дастъ опять сестру увидѣть Оду —
На вашу грудь она не упадетъ.

Не легко при первомъ чтеніи догадаться, чѣмъ именно грозитъ Оливьеръ своему другу. Въ текстѣ наивно и грубо, но понятнѣе:

Dist Oliver: «Par ceste meie barbe!
Se puis veeir ma gente sorur Alde,
(Vus) ne jerreiz jamais entre sa brace».

(Сказалъ Оливьеръ: клянусь этой моей бородой! если я смогу увидѣть мою прекрасную сестру Альду, вамъ не лежать никогда въ ея объятьяхъ, т. е. вамъ не бывать ея мужемъ)[1].

Едва ли можетъ считаться удачнымъ и окончаніе слѣдующей строфы:

И Францію позоръ
Постигнетъ вѣчный. Нынѣ дружбѣ нашей
Пришелъ конецъ. И раньше, чѣмъ наступитъ
Вечерній часъ — разстаться мы должны.

Въ текстѣ:

France en ert hunie;
Oi nur defait la leial cumpaignie,
Eiz le vespre ert mult gref la departie.

---

[1]) Можно бы перевести:

Супругой вашей ей ужъ не бывать.

Переводъ почти дословный, но впечатлѣніе отъ него получается нѣсколько иное, чѣмъ отъ текста: смыслъ послѣдняго тотъ, что «намъ ужъ не сражаться рядомъ, и прежде чѣмъ наступитъ вечеръ, мы будемъ мертвы»; а въ переводѣ Оливьеръ, повидимому, грозитъ Роланду окончательной ссорой.

Въ стр. 134-й Турпинъ говоритъ Роланду:

въ рогъ трубить ужъ поздно . . . .
Но всежъ трубите . . . .

Въ текстѣ нѣтъ такой непослѣдовательности.

Ст. 1742: Ja li corners ne nos avreit mester, т. е. *намъ* рогъ уже не поможетъ.

Ст. 1845: N'i ad icel (ki) ne demeint *irance.*
Irance переведено слишкомъ слабо:

Досадно имъ . . . (стр. 141, ст. 5).

Не досаду, а чувство гораздо болѣе сильное испытываютъ французы, думая о неравной битвѣ Роланда съ язычниками и его предстоящей гибели.

Въ переводѣ ст. 1872 нежелательная вольность: Роландъ убиваетъ Фальдрона

E. XXIV. de tuz le melz preisez

(и 24 человѣка изъ самыхъ лучшихъ).

Въ переводѣ:

многихъ знатныхъ мавровъ
Онъ тамъ убилъ.

Слѣдуетъ сохранять въ переводѣ стремленіе исторической эпопеи къ точности.

---

[1]) Можно бы перевести:

Такъ горько имъ.....

Ст. 1938: Dist Oliver: Dehet ait li plus lenz (Сказалъ Оливьеръ: Горе тому, кто слишкомъ медленъ)—
переведенъ:

«Да сгинутъ *трусы!*» молвилъ Оливьеръ.

Вѣдь не о сарацинахъ говоритъ здѣсь Оливьеръ, а о французахъ, къ которымъ обращается и Роландъ въ предыдущихъ стихахъ; предполагать же *трусовъ* среди оставшейся въ живыхъ кучки храбрецовъ невозможно; это было бы незаслуженной обидой.

Стр. 147:

Когда полки испанскихъ сарацинъ
Такъ мало нашихъ франковъ увидали,
Воскликнули они въ весельи дикомъ:
«*За насъ Господь!*»

Совершенно необычныя въ національномъ эпосѣ слова въ устахъ невѣрныхъ; въ текстѣ (ст. 1942) они восклицаютъ: L'empereor ad tort (вина на сторонѣ императора).

Въ ст. 2095 (стр. 157-я) слова cil ki el camp fut, я полагаю, должны быть отнесены къ барону Эгидію, якобы очевидцу битвы, а не оставаться, такъ сказать, на воздухѣ, какъ въ русскомъ переводѣ:

(И было такъ на полѣ боевомъ).

Относительно вѣрности перевода конца стр. 160-й[1]) я по-

---

[1]) Врубился онъ (Роландъ) въ толпу испанскихъ мавровъ
И съ нимъ Турпинъ: «друзья, скорѣй *бѣжимте* (sic)!»
Кричатъ испанцы: «слышали мы *звонъ* (sic)
Роговъ французскихъ: мощный Карлъ вернулся».

Текстъ: En la grant presse les vait tuz envaïr,
Ensem(b)l' od lui l'arcevesques Turpin.
Dist l'un al altre: «*Ça vus traiez, ami!*
De cels de France les corns avuns oït;
Carles repairet, li reis poestéifs»,

зволю выразить сомнѣніе, хотя гр. Де-ла-Бартъ имѣетъ за себя авторитетъ такого знатока поэмы, какъ Леонъ Готье [1]). По моему мнѣнію, здѣсь не язычники (которые ни разу не названы во всей строфѣ) высказываютъ свой страхъ передъ возвращеніемъ Карла; а Роландъ и Турпинъ дѣлятся радостнымъ извѣстіемъ, которое воодушевляетъ ихъ къ новымъ подвигамъ.

Въ слѣд. 161-й строфѣ Роландъ говоритъ Турпину:

«вы пѣши,
Я на конѣ; но ради васъ мнѣ должно
Здѣсь обождать, и радости и горе
Должны дѣлить мы,—я не брошу васъ и т. д.

Если конный будетъ ждать въ сторонѣ, пока пѣшій будетъ раздѣлываться съ непріятелемъ, едва ли онъ можетъ быть сочтенъ добрымъ товарищемъ; *ici prendrai estal* (ст. 2139) я перевелъ бы: я остановлюсь здѣсь, чтобы слѣзть съ коня.

Въ слѣдующей (162-й) строфѣ невѣрные говорятъ о Роландѣ:

«Метнемъ въ него и дротики и копья
На мѣстѣ онъ останется на вѣрно!»

Стало быть, они увѣрены, что убьютъ Роланда? Въ текстѣ же (ст. 2154):

. . . . Lançuns à lui, *puis si l'laissums ester*

— метнемъ въ него и потомъ оставимъ его (т. е. сдѣлаемъ послѣднее усиліе и убѣжимъ). Что именно такъ надо понимать это мѣсто, доказываетъ стихъ 2162:

puis si l'laisent ester.

т. е. съ великой поспѣшностью нападаетъ на нихъ всѣхъ; вмѣстѣ съ нимъ архіепископъ Турпинъ. Говоритъ одинъ другому: «*впередъ, другъ!* Мы слышали рога Французовъ; то идетъ Карлъ, могущественный король».

Въ настоящее время я не имѣю подъ руками необходимыхъ пособій; но, сколько помню, не трудно найти параллели для такого значенія глагола — *se traire* (trahere).

[1]) La chanson de Rol. 12-me édition. Tours, 1883, стр. 203.

Въ строфѣ 163-й Роландъ

Мечемъ разрѣзалъ платье на Турпинѣ.

Въ текстѣ (ст. 2172) сказано только, что онъ разорвалъ на немъ платье. Едва ли эта картинная прибавка переводчика можетъ считаться удачной.

Въ ст. 2177 gentilz hom переведено слишкомъ вольно: «Прекрасный и знатный вождь».

Въ ст. 2230 *un sul arpent* переведено неопредѣленнымъ выраженіемъ: *пространство небольшое.*

Въ ст. 2240 Турпинъ складываетъ руки молитвенно и протягиваетъ ихъ къ небу; въ переводѣ:

И руки въ знакъ смиренія *скрестилъ.*

Но о скрещенныхъ рукахъ Турпина говорится ниже (ст. 2250).

Въ концѣ стр. 171-й и въ началѣ слѣдующей мы читаемъ:

Онъ (сарацинъ, притаившійся между мертвецами) *от-*
[*нялъ* мечъ — и смутно графъ Роландъ
Почувствовалъ, что мечъ его *схватили.*
Почуялъ графъ, что онъ *меча лишился.*

Въ текстѣ 2280 и 2283—4:

Saisit e sun cors e ses armes . . . .
En cel *tirev* li quens s'aperçut alques.
Ço sent Rollanz que s'espée li *tolt* . . .

Saisit не значитъ *отнялъ*, а только *схватилъ*, на что указываетъ и слово *tirev; tolt* настоящее время — отнимается; сарацинъ не успѣлъ утащить меча, а только тянулъ его къ себѣ.

Въ той-же стр. 172 мы читаемъ, что отъ удара рога Роланда

на земь пали
Глаза испанца . . . .

Слишкомъ сильно сказано: въ текстѣ (2290)

Amsdous les oilz del chef li ad mis fors

(оба глаза выбилъ у него изъ головы).

Въ стр. 173:

Роланда очи мракъ *покрылъ*,— съ усильемъ
Онъ всталъ, *покрыты* блѣдностью черты.

Въ первомъ случаѣ вмѣсто *покрылъ* можно бы поставить: *облекъ*.

Въ ст. 2301 *par doel e par rancune* переведено: *во гнѣвѣ*. Но гнѣваться Роланду не на кого; скорбь есть господствующее у него чувство, и rancune здѣсь синонимъ для *doel*.

Въ строфахъ 177 и 178 не переведено, что Роландъ простираетъ къ небу свою перчатку съ *правой* руки, что̀ имѣетъ символическое значеніе.

Въ стр. 178, послѣ ст. 2393 прибавленъ къ Оксфордскому тексту архангелъ Рафаилъ, что̀, по моему мнѣнію, излишне.

Въ строфѣ 179-й (текста ст. 2413) мы читаемъ:

«О Боже», молвилъ Карлъ,—«зачѣмъ не могъ я
Сей бой начать!»

Тотъ бой... было бы лучше, такъ какъ рѣчь идетъ о боѣ, уже оконченномъ.

Я полагаю, что Л. Готье не вполнѣ удовлетворительно перевелъ ст. 2500:

Laciet sun helme ki est ad or gemmez.

У него (стр. 235): Il a *lacé* son heaume gemmé d'or. Въ затянутомъ шлемѣ спать невозможно, а Карлъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго (ст. 2520), спитъ крѣпко и видитъ сны. Я думалъ бы, что слѣдуетъ перевести: Il a *laché!*.. (ослабилъ ремень). Русскій переводчикъ передалъ этотъ стихъ неопредѣленнымъ выраженіемъ:

На немъ блеститъ и шлемъ его... (стр. 185, ст. 4).

Въ стр. 186:

— Въ печали
Лежитъ король; онъ *вспомнилъ* о Роландѣ...

Смерть Роланда — слишкомъ свѣжее событіе, чтобы онъ могъ забыть о немъ хоть на минуту. Въ текстѣ лучше: ст. 2513 doel ad de Rollant (горюетъ о Роландѣ).

По стр. 187 Карлъ видитъ въ пророческомъ снѣ:

Ужасныхъ грифовъ *ровно* тридцать тысячъ.

Какъ во снѣ счесть такое количество? Въ текстѣ лучше: Grifuns i ad *plus de trente millers* (ст. 2544). Въ той же строфѣ оставлена безъ перевода картинная подробность: Devers un gualt (ст. 2549) — (изъ глубины рощи).

Въ ст. 2573 *mult laidement* (очень жалостно) переведено слишкомъ вольно:

И въ корчахъ палъ (стр. 189, ст. 4)

Въ стр. 191 оставлены безъ перевода стихи 2612 и 2619, изъ которыхъ первый не лишенъ значенія.

Въ ней же въ ст. 7 (текстъ 2614) читаемъ о Балиганѣ:

Онъ царствовалъ въ Египтѣ, въ Вавилонѣ.

Въ текстѣ: En Babilonie Baligant ad mandet.

Въ Пѣснѣ о Роландѣ (какъ и въ др. національныхъ эпопеяхъ) довольно географическихъ несообразностей; зачѣмъ въ переводѣ увеличивать число ихъ?

Въ стр. 194 читаемъ:

Подъ лавромъ, средь долины
На муравѣ — коверъ александрійскій
На немъ былъ тронъ слоновой кости чудный.

Читатель долженъ думать, что и коверъ и тронъ находились здѣсь всегда, и до пріѣзда Балигана; а въ текстѣ (ст. 2652—3)

для Балигана *разстилаютъ* бѣлый коверъ, *поставили* кресло (foldestoed) изъ слоновой кости.

Въ стр. 195 оставленъ безъ перевода стихъ 2678:

El destre poign si li faites chalcev
(Надѣньте ему — перчатку на правый кулакъ),

а онъ необходимъ, такъ какъ въ немъ заключается горькая для невѣрныхъ иронія: праваго кулака-то у Марсилія уже нѣтъ; онъ отрубленъ Роландомъ. Что это не безсознательная иронія, доказываютъ ст. 2701 и 2719—20.

Въ той же строфѣ Балиганъ говоритъ о Марсиліи:

если онъ пріѣдетъ
Меня почтитъ, то я войной жестокой
Во Францію прекрасную пойду.

Какъ будто Балиганъ можетъ сомнѣваться въ томъ, что Марсилій, который умолялъ его о помощи и котораго онъ трактуетъ, какъ своего вассала — онъ посылаетъ ему перчатку и посохъ, пріѣдетъ поклониться ему! Въ текстѣ (ст. 2680):

E à mei venget pur reconoistre sun teu
(И пусть онъ явится признать свое вассальство).

Въ переводѣ стиха 2796 (строфа 203) синтактическій недосмотръ:

И взявъ *четыре рыцаря* съ собою . . .

Ст. 2834 Марсилій говоритъ Балигану:

Mei ai perdut e(tres)tute ma gent
(Себя я погубилъ и весь мой народъ).

Переведено слишкомъ вольно (стр. 204):

себя я опозорилъ (чѣмъ?)
И свой народъ *на вѣки* (sic) погубилъ.

Тоже относительно стиха 2879 (Карлъ находитъ трупъ Роланда):

(Si prent le cunte) entre ses mains ansdous

(беретъ графа на обѣ свои руки).

переведено (стр. 208)

Племянника приподнялъ онъ и *страстно*
Прижалъ къ груди.

Сантиментально-романтическое слово *страстно* — не изъ «словаря поэмы» (см. предисловіе А. Н. Веселовскаго); оно не подходитъ къ сильному и сдержанному ея тону.

Ст. 2937 (изъ плача Карла о Роландѣ):

. . . De ma maisnée ki *pur mei* est ocise

переведенъ:

О горе! всѣ друзья мои погибли! (ст. 213).

Было бы ближе: Изъ-за меня друзья мои погибли. При описаніи вооруженія Карла въ стр. 219-й переводчикъ забылъ щитъ (въ текстѣ о немъ сказано въ ст. 2991). Въ ней же читаемъ:

его (скакуна) когда-то добылъ
Великій Карлъ у брода близъ Марсонны:
Тамъ былъ убитъ нарбонскій Мальпалинъ:

Можно думать, что Мальпалина убилъ кто-либо изъ вассаловъ Карла; въ текстѣ же (ст. 2995) сказано, что его поразилъ самъ Карлъ.

Ст. 3051: Il i ferrat de sun espiet trenchant — переведенъ (стр. 224-я):

Сумѣетъ онъ враговъ *рубить мечемъ*.

Было бы ближе:

Сумѣетъ онъ враговъ *колоть копьемъ*[1]).

Въ стр. 226, 4 стихъ только въ томъ случаѣ будетъ имѣть надлежащую мѣру, если мы будемъ читать *Пуату*, какъ 2 слога[2]); но это не вполнѣ удобно, не лучше-ли вмѣсто: *И рыцари Пуату*... читать: Бойцы изъ Пуату?

Я не понимаю, зачѣмъ переводчикъ въ стр. 237 (послѣ стиха 2224 текста) прибавилъ къ Оксфордскому тексту *руссовъ*[3]).

Въ стр. 241 мы читаемъ кличъ язычниковъ:

Пусть служитъ вѣрно богу Аполлину —
Кто обрѣсти души спасенье хочетъ.

Въ текстѣ (ст. 3271): *par noz deus aveir guarison*—кто хочетъ спастись (не душою, а именно тѣломъ) черезъ нашихъ боговъ... Поэтъ не столько наивенъ, чтобы придавать язычникамъ христіанскій образъ мыслей.

Въ ст. 3406 наст. вр. jo vos aim, si vos crei, не знаю, почему, переведено прошедшимъ (стр. 252)·

«Мои бароны!» молвилъ Карлъ Великій —
«Я васъ *любилъ*, на васъ я *полагался*. . .»

Иное дѣло, еслибъ бароны дрались плохо; но здѣсь они честно исполняютъ свой долгъ.

Ст. 3600 Балиганъ говоритъ Карлу:

Malvais sermun cumences

(плохую проповѣдь начинаешь ты, т. е. неумѣстна твоя проповѣдь): переведено неудачно (стр. 266):

«Ты *скверный* проповѣдникъ»[4])

---

[1]) espiet trenchant — обычное выраженіе; см., напр., ст. 3114.

[2]) См. Введеніе, стр. XXII.

[3]) Также не понимаю основанія прибавки народа ниневійскаго въ ст. 3103 и вставочнаго стиха объ Іудѣ послѣ ст. 3220. Равномѣрно я не знаю, почему Val-Fuit ст. 3239 обратилось въ Валь-*Флури* (стр. 239). Не опечатка ли это?

[4]) Можно бы: «Плохой ты проповѣдникъ».

Въ ст. 3602 Балиганъ

Fier(t) Carlemagne sur *l'elme d'acev brun.*

переведено (стр. 267):

По шлему *золотому*
Онъ короля французовъ поразилъ.

Можно бы ближе:

По шлему *темной стали* и пр.

Въ ст. 3686 Карлъ въ Бордо, на алтарь св. Северина

Met l'oliphan plein d'or e de manguns[1])

(т. е., кладетъ олифанъ, наполнивъ его золотомъ и монетами).

Въ переводѣ (стр. 273-я):

Оставилъ тамъ[2]) французовъ повелитель
Завѣтный рогъ, велѣвъ его *отдѣлать*
Каменьями и золотомъ.

Излишняя, ничѣмъ не оправдываемая вольность. Кто дорожитъ памятью человѣка, не позволитъ себѣ измѣнять внѣшній видъ любимой его вещи; а принесеніе въ даръ церкви рога, наполненнаго деньгами,— очень извѣстный обычай.

Ст. 3704: Dès or cumencet le plait de Guenelun

(Здѣсь начинается судъ надъ Ганелономъ)—важное и любопытное указаніе поэта (или редактора?) на новый отдѣлъ поэмы. Въ переводѣ это совсѣмъ не выражено (см. конецъ стр. 273).

---

[1]) По Готье (стр. 520) и Дюканжу *manguns*, *mancusa* отъ *manca*, marca. Не слѣдуетъ ли искать прототипа въ Византіи? (Ср. bezanz; можетъ быть, въ связи съ μάγγανον?). Кстати замѣчу, что слово *drodmunz* (корабль), встрѣчающееся въ Ch. de Rol. въ стихахъ 1521 и 2730, несомнѣнно византійскаго происхожденія, отъ δρόμων бѣгунъ (*d* вставлено подъ вліяніемъ народной этимологіи), какъ и *calan* (стихи 2647 и 2728, нынѣ chaland, русская *шаланда*) и многія др. слова, касающіяся мореходства. Нѣтъ сомнѣнія, что и мореходному дѣлу юные народы западной Европы первоначально учились у византійцевъ.

[2]) Въ Бордо; объ алтарѣ св. Северина не упомянуто.

Въ стр. 275

Онъ (Карлъ) далъ приказъ — пришли четыре дамы,
И Карлъ велѣлъ имъ Оду *хоронить*[1])
Въ монастырѣ. До утра *охраняли*
Четыре дамы Оду, а затѣмъ
Близъ алтаря ее *похоронили*.

Охраняли и *похоронили* будто игра словъ, въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстная[2]).

Въ слѣд. (276-й) строфѣ:

Веревками привязанъ
Онъ (Ганелонъ) предъ дворцомъ къ позорному столбу.

Въ текстѣ: *à curreies de cerf* — ремнями изъ оленьей кожи. Можно бы перевести ближе·

Ремнями былъ привязанъ и пр.

Въ описаніи поединка Пинабеля и Тьери оставленъ безъ перевода картинный стихъ 3889 (въ стр. 289-й):

Granz sunt les colps as helmes detrenchev[3]).

Въ ст. 3918 *l'herbe* переведено: «ковыль степная». Позволяю себѣ сомнѣваться, можно ли было и въ то время найти ее подъ Ахеномъ.

Ст. 3924: Ço veit Tierris que el vis est ferut (видитъ Тьери, что онъ раненъ въ лицо) переведенъ съ усиленіемъ красокъ (стр. 293):

Почувствовалъ Тьери, что *сильно раненъ*.

---

[1]) Лучше бы: схоронить.

[2]) Вотъ буквальный переводъ текста: «Онъ сейчасъ позвалъ четырехъ графинь, (которыя) отнесли ее въ женскій монастырь (и) бодрствовали надъ нею всю ночь до разсвѣта, (потомъ) прекрасно похоронили ее вдоль алтаря».

[3]) Можно бы перевести:

Могли удары ихъ разбить шеломы.

Еслибъ онъ былъ *сильно раненъ*, былъ бы невозможенъ немедленно послѣ поединка его торжественный въѣздъ въ Ахенъ, о которомъ разсказывается въ слѣдующей строфѣ.

Въ стр. 295 Карлъ спрашиваетъ своихъ бароновъ:

«Что дѣлать намъ съ заложниками? *нынѣ*
Ихъ Пинабель мнѣ далъ, за Ганелона
Они порукой были.

Не вполнѣ понятно и далеко отъ текста:

«Que me loez de cels qu'ai retenuz?
Pur Guenelun erent à plait venuz,
Pur Pinabel en ostage renduz».

(Что посовѣтуете мнѣ относительно тѣхъ, кого удержалъ я? Они явились на судъ со стороны Ганелона, они были заложниками за Пинабеля).

Въ переводѣ этой строфы дѣйствуетъ «палачъ» Басбрэнъ; въ текстѣ онъ *veier* отъ (vicarium) — viguier — земскій судья или староста.

Въ ст. 3964 опять синтактическій недосмотръ:

Вотъ, *привели четыре скакуна*

(вм. четырехъ скакуновъ).

Ст. 3975 переведенъ:

Когда *свой судъ* окончилъ императоръ.

Въ текстѣ sa venjance — свое мщеніе; въ предыдущемъ онъ, дѣйствительно, является не судьею, а обвинителемъ, одною изъ сторонъ [1]).

---

[1]) Правда, въ началѣ слѣдующей строфы мы читаемъ:

Quant l'emperere ad faite *sa justise*...

но если текстъ различаетъ актъ и результатъ его, долженъ ихъ различить и переводчикъ.

Характерное выраженіе стиха 3978: *une caitive franche* (благородная плѣнница — о Брамимондѣ, которую не окрестили насильно, какъ другихъ, а привели въ Ахенъ и научили вѣрѣ) въ переводѣ не выражено.

Не вполнѣ ясенъ въ переводѣ ст. 3998:

Тебя зовутъ *напрасно* христіане.

(буквальный переводъ: Къ тебѣ съ крикомъ взываютъ христіане).

Ст. 4000 si *penuse* est ma vie (тяжела моя жизнь!) — переданъ, я полагаю, слишкомъ сильно: «жизнь моя полна мученій!» [1]).

Перехожу къ послѣдней части моей рецензіи: къ введенію и примѣчаніямъ переводчика. Первое (занимаетъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго XXIII страницы) состоитъ изъ 4-хъ небольшихъ главъ; въ 1-й авторъ ставитъ вопросъ о причинѣ необыкновенной славы Пѣсни о Роландѣ даже за предѣлами Франціи; во 2-й онъ высказываетъ убѣжденіе, что причиной слѣдуетъ считать «замѣчательную стройность и послѣдовательность изложенія» поэмы и даетъ блестящую эстетическую ея оцѣнку, пользуясь извѣстнымъ пріемомъ Авг. Шлегеля: «освѣщающимъ произведеніе извнутри» изложеніемъ содержанія (стр. VI—XV; мимоходомъ на стр. XIV онъ указываетъ на сравнительно позднее происхожденіе эпизода о Балиганѣ); въ 3-й главѣ онъ говоритъ о формулахъ или «общихъ мѣстахъ» (chevilles poétiques) Пѣсни о Роландѣ, которыя приводятъ его къ заключенію, что «въ эпоху образованія нашей поэмы уже вырабатывались общіе пріемы эпоса, уже возникала народно-поэтическая школа» (стр. XVII), и затѣмъ указываетъ на слѣды личнаго творчества, «руки художника», что̀ выражается въ подчеркиваніи рѣшающихъ моментовъ (стр. XVIII); то-же сліяніе народнаго элемента съ личнымъ, ту-же *двойственность* видитъ

---

[1]) Можно бы: «О Боже мой! Какъ жизнь моя тяжка!».

онъ и въ двухъ родахъ повтореній: наивномъ, почти буквальномъ, и искусственномъ, оттѣняющемъ «ту сторону событія, которая даетъ тонъ всему, является какъ бы общимъ тономъ картины» (XVIII—XIX); онъ убѣжденъ, что здѣсь «почти всѣ пріемы творчества, образы, выраженія почерпнуты изъ поэзіи народной», а «распланировка матеріала, подчеркиваніе главныхъ моментовъ дѣйствія и болѣе всего обобщеніе поэтической темы, — все это продуктъ творчества, очень близко стоящаго къ творчеству личному» (стр. XX). Въ 4-й главѣ графъ Де-ла-Бартъ говоритъ о пріемахъ предлагаемаго имъ перевода.

Степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика, и читатели не вправѣ претендовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы настолько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Можетъ-ли ожидать переводчикъ «Пѣсни о Роландѣ», чтобы хоть одинъ изъ сотни его читателей имѣлъ ясное представленіе о документально доказанномъ постепенномъ развитіи карловингскаго цикла сказаній, о теоріи (вѣрнѣе о двухъ теоріяхъ) кантиленъ, о хроникѣ Турпина, о Carmen de proditione Guenonis, о раннихъ и позднихъ Chansons de geste вообще, о свидѣтельствахъ относительно битвы въ Ронсенвалѣ, объ архіеп. Wenilo, о баскихъ пѣсняхъ, о рукописяхъ поэмы и пр., и пр.? Если кто и слыхалъ или читалъ объ этомъ прежде, то теперь, передъ непосредственнымъ ознакомленіемъ съ поэмою, ему необходимо возобновить забытое.

Если же гр. Де-ла-Бартъ не хотѣлъ повторять (хотя бы на двухъ-трехъ страницахъ мелкаго шрифта) избитыхъ фактовъ, которые можно найти во всякой исторіи французской литературы, и, съ другой стороны, предназначая свою книгу «для большой публики», не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія (которое онъ обѣщаетъ предложить въ отдѣльной работѣ, см. стр. XV), ему слѣдовало бы, по моему мнѣнію, указать любознательному чита-

телю, гдѣ именно можетъ найти послѣдній удовлетворительныя историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ и прежде всего, конечно, назвать необширную и нѣсколько устарѣвшую, но высокоталантливую и содержательную (съ массой интересныхъ сопоставленій) извѣстную работу академика Ѳ. И. Буслаева (перепечатана въ его книгѣ «Народная поэзія»). Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библіографическихъ указаній, интересныя и цѣнныя соображенія переводчика о сліяніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла.

Тезисъ о сліяніи (не механическомъ) элементовъ, о двойственности въ Пѣсни о Роландѣ, по моему убѣжденію, можетъ выдержать самую строгую и придирчивую критику; но доказывать его, я полагаю, удобнѣе не тѣмъ способомъ, который употребляетъ авторъ или, по крайней мѣрѣ, не однимъ этимъ способомъ. Убѣдительнѣе и нагляднѣе былъ бы онъ, если-бъ гр. Де-ла-Бартъ указалъ на тѣ мѣста поэмы, гдѣ въ авторѣ дошедшей до насъ редакціи обнаруживается несомнѣнный книжникъ, который черноту лица негровъ сравниваетъ съ *чернилами*[1]), знаетъ не только *Давана* и *Авирона* (ст. 1215), но и *Виргилія* съ *Гомеромъ* (ст. 2617), — который, желая выдать свой разсказъ за самую подлинную правду, много разъ ссылается на свой литературный источникъ, на «бытописаніе» — la geste, въ стихѣ 3262 — Geste Francor(um), книгу, стало быть, латинскую, который одинъ разъ (стр. 157, ст. 2095 и слѣд.) называетъ даже автора этой книги — святого барона Эгидія, бывшаго будто бы въ главной арміи Карла.

Можно ли сомнѣваться въ виду такихъ фактовъ, что авторъ *нашей* редакціи Пѣсни о Роландѣ — труверъ-клерикъ, претендующій на ученость и стремящійся изъ поэта обратиться въ

---

[1]) Ст. 1933

Ki plus sunt neirs que nen est *arrement.*

Arrement отъ atramentum.

Въ переводѣ это, къ сожалѣнію, не выражено (стр. 146):

А все лицо чернѣе сажи черной.

яко бы достовѣрнаго историка[1]). Могли ли такія претензіи совмѣщаться съ крупнымъ творческимъ талантомъ? Кто склоненъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, тотъ долженъ признать автора нашего текста не поэтомъ, а только *интерполяторомъ* или редакторомъ и почти обязанъ попытаться выдѣлить эти и имъ подобныя мѣста изъ поэмы, очистить ее, если только не будетъ отъ этого удержанъ печальнымъ примѣромъ слишкомъ смѣлыхъ критиковъ первой половины нашего столѣтія.

По моему мнѣнію, которое, смѣю думать, раздѣляетъ и графъ Де-ла-Бартъ, давшій переводъ Пѣсни о Роландѣ въ полномъ видѣ и говорящій во введеніи объ одномъ художникѣ[2]), такое совмѣщеніе не представляетъ ничего необычнаго для среднихъ вѣковъ и имѣетъ массу параллелей въ продуктахъ несомнѣнно личнаго творчества, разработывавшихъ книжные или традиціонные сюжеты; въ нихъ постоянно встрѣчаются бокъ-о-бокъ наивное хвастовство сомнительной учености, растянутость, грубосантиментальныя преувеличенія, крайняя небрежность и противорѣчія, вообще всякаго рода художественныя безтактности съ одной стороны, а съ другой — искреннее одушевленіе идеей (религіозной, гуманной или патріотической) и перлы истинной и высокой поэзіи или тонко подмѣченные въ источникѣ и талантливо подчеркнутые поэтомъ или имъ самимъ привнесенные. Отъ позднѣйшихъ старо-французскихъ, средне-верхне-нѣмецкихъ, средне-англійскихъ и др. поэмъ Пѣснь о Роландѣ отличается только тѣмъ, что авторъ ея имѣлъ подъ руками прекрасный матеріалъ въ видѣ народныхъ пѣсенъ и разнообразныхъ сказаній и проявилъ, надо полагать, сравнительно со многими другими, бо́льшее

---

[1]) Можно ли говорить, что въ Chanson de R. tutto è semplice e primitivo, какъ это дѣлаетъ Nygor? (Storia dell'epopea francese nel medio evo, traduzione di Egidio Gorra. Torino. 1888, стр. 97). Безъ сомнѣнія, онъ, какъ и многіе другіе, давая общую оцѣнку памятнику, припоминаетъ его содержаніе и лучшія черты, а не подробности.

[2]) Онъ называетъ его, правда, *пѣвцомъ* (стр. VIII, XIII), но, безъ сомнѣнія, не въ смыслѣ сказителя, за которымъ кто-либо записывалъ его текстъ; ниже (стр. XVIII) онъ говоритъ о рукѣ художника.

чувство мѣры и бо́льшій художественный талантъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни одной изъ этихъ народныхъ пѣсенъ и пока имѣемъ довольно неполное понятіе объ этихъ сказаніяхъ, такъ что лишены возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что̀ именно взялъ поэтъ изъ своихъ источниковъ и что̀ изобрѣлъ онъ самъ.

И такъ, двойственность, сліяніе элементовъ въ Пѣсни о Роландѣ несомнѣнны; но относительно разграниченія ихъ мы, вмѣсто положительныхъ выводовъ, пока должны довольствоваться предположеніями болѣе или менѣе субъективнаго характера. Такъ, напр., гр. Де-ла-Бартъ думаетъ, что «подчеркиваніе главныхъ моментовъ» принадлежитъ поэту; я же, напротивъ, полагаю, что главные моменты были уже подчеркнуты въ преданіи и народной пѣсни, и что изъ народнаго же самосознанія исходитъ одушевлявшій поэта патріотизмъ и глубокая вѣра въ святость дѣла христіанскаго воинства.

Съ другой стороны, гр. Де-ла-Бартъ считаетъ пріемы творчества, образы, выраженія почерпнутыми изъ поэзіи народной; я же, кромѣ вышеуказанныхъ проявленій книжности, отношу на счетъ поэта сантиментальныя преувеличенія, въ родѣ паденія въ обморокъ ста тысячъ Франковъ[1]), черезъ-чуръ частыхъ обмороковъ самого Карла, обморока Роланда, когда онъ еще сидитъ на конѣ (стр. 153), особой присяги, приносимой среди битвы 20-ю тысячами Франковъ (стр. 252, ст. 3415—6) и т. д., и т. д. Но съ другой стороны ему же слѣдуетъ приписать и такія удачныя частности, какъ вѣщій сонъ Карла передъ битвой съ Балиганомъ (стр. 187 и слѣд.; въ народной поэзіи вѣщіе сны, сколько знаю, всегда бываютъ съ окончаніемъ; здѣсь всѣ видѣнія Карла оставлены безъ исхода, чтобы держать слушателя въ напряженіи), усиленныя похвалы Балигану (стр. 233), чтобы тѣмъ ярче оттѣнить величіе его побѣдителя, и прочія бьющія на эффектъ измышленія, незнакомыя наивной народной поэзіи[2]).

---

[1]) Ст. 2932. Cent milie Francs s'en pasment cuntre tere.

[2]) О другихъ «изобрѣтеніяхъ» поэта, которыя открываются черезъ сравненіе поэмы съ иными версіями сказанія, намъ *досель* извѣстными, см. въ статьѣ

Безъ всякаго сомнѣнія, поэту же принадлежатъ и всѣ повторенія, какъ высокохудожественныя, двигающія впередъ дѣйствіе[1]), такъ и повторенія, не вносящія ничего новаго, такъ наз. couplets similaires[2]). Повторенія второго рода гр. Де-ла-Бартъ называетъ *былинными* и признаетъ ихъ свойственными всякому народному эпосу.

Вопросъ о происхожденіи повтореній въ Chanson de Rol. до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненъ; но я во всякомъ случаѣ полагаю, что couplets similaires нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ дословными повтореніями, напр., нашихъ былинъ[3]); въ былинахъ, въ сербскомъ эпосѣ, у Гомера это необходимыя и неизмѣнныя формулы, невольно замедляющія ходъ разсказа, но дающія ему эпическую полноту; а couplets similaires задерживаютъ этотъ ходъ умышленно; они стоятъ, надо думать, въ тѣсной связи съ обращеніемъ къ публикѣ позднѣйшихъ chansons de geste, которыя нужны для пѣвца, чтобы поддержать и усилить вниманіе своей аудиторіи. Стало быть, и эти повторенія — un procédé artistique, по выраженію Леона Готье[4]), только особаго рода, и объяснять ихъ сведеніемъ вмѣстѣ разныхъ версій во многихъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности.

Возьмемъ, напр., строфу 273-ью, въ концѣ которой поэтъ объявляетъ о началѣ новаго отдѣла[5]) и послѣ которой надо предполагать небольшую остановку въ пѣніи, послѣдній отдыхъ для пѣвца; въ ней сказано довольно обстоятельно о созывѣ судей.

Такъ какъ во время паузы слушатели могли забыть предъидущее, то въ началѣ новаго отдѣла, на стр. 274, поэтъ снова.

Леона Готье въ книгѣ Petit de Julleville, Histoire de la Langue et de la Littérature française, Paris 1896. T. I, стр. 89 и слѣд.

[1]) О нихъ у гр. Де-ла-Барта, стр. XIX.

[2]) См. напр. стр. 84, 85, 86.

[3]) Какъ двустрочное описаніе бури въ былинѣ о Садкѣ или разсказъ о томъ, какъ вооружается богатырь, отправляющійся на «нахвальщика» и т. д.

[4]) См. d. Petit de Julleville, стр. 119.

[5]) Къ сожалѣнію, какъ сказано выше, переводчикъ не сохранилъ этого указанія.

но *въ иныхъ выраженіяхъ* (ст. 3697) говоритъ о прибытіи Карла въ Ахенъ и разсказываетъ о смерти Альды; покончивъ съ ея похоронами, онъ еще разъ (на этотъ разъ короче, ст. 3706) упоминаетъ о возвращеніи Карла и начинаетъ разсказъ о судѣ, въ которомъ снова и опять-таки *въ иныхъ выраженіяхъ* (см. стр. 277) и короче говоритъ о созывѣ судей.

Очевидно, труверъ имѣетъ здѣсь въ виду интересы пѣвцовъ-жонглеровъ, для которыхъ, какъ извѣстно, предназначалась и маленькая по формату переносная рукопись оксфордскаго текста. Вотъ явное указаніе на то, что историко-литературныя свѣдѣнія (которыя могли быть сообщены или во Введеніи или въ Примѣчаніяхъ) необходимы читателю и для вѣрной эстетической оцѣнки Пѣсни о Роландѣ.

Что касается Примѣчаній переводчика къ Пѣсни о Роландѣ (стр. 139 и слѣд.), признавая ихъ очень содержательными и цѣнными, я позволяю себѣ усмотрѣть въ нихъ тотъ же существенный недостатокъ, что̀ и во Введеніи гр. Де-ла-Барта: количество ихъ для такого древняго памятника слишкомъ ограниченно (всего 30 примѣчаній на 4-хъ страницахъ), и носятъ они характеръ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько случайный: въ нихъ объяснены три-четыре географическихъ названія (изъ многихъ сотенъ ихъ), сообщено нѣсколько интересныхъ фактовъ относительно различныхъ (но далеко не всѣхъ) частей вооруженія XI вѣка, упоминаются нѣсколько разъ различныя версіи поэмы (о которыхъ читатель ничего не находитъ въ Введеніи); объяснены отдѣльныя слова, часто вовсе не трудныя (напр. Пресьезъ); а между тѣмъ оставлены безъ объясненія сотни важныхъ собственныхъ именъ, бытовыхъ подробностей и противорѣчій въ текстѣ (въ родѣ, напр., счета французской арміи).

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ гр. Де-ла-Барта, какъ Введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ (хотя бы краткимъ) разборомъ поэмы, такъ и Примѣчанія много выиграютъ въ смыслѣ полноты и равномѣрности.

Въ виду всего вышеизложеннаго и главнымъ образомъ въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода гр. Де-ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности тексту, такъ и со стороны художественной, я полагаю, что его тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполнѣ заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ Отдѣленіе найдетъ возможнымъ.

Во время печатанія этого отзыва я случайно натолкнулся на любопытное указаніе относительно центральной фигуры французскаго эпоса, указаніе, которое при всей своей общеизвѣстности, для изученія chansons de geste, если не ошибаюсь, привлекаемо не было. Константинъ Багрянородный въ 26-й главѣ De administrando говоритъ: ...ὁ μέγας Λωθάριος, ὁ πάππος τοῦ περιβλέπτου ῥηγὸς Οὔγωνος, ἀπὸ τῆς γενεᾶς μεγάλου Καρούλου κατήγετο, περὶ οὗ πολὺς ἔπαινος ἐγκώμιά τε καὶ διηγήματα, καὶ περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα, т. е. Великій Лотарь, дѣдъ извѣстнаго короля Гугона, происходилъ изъ рода Карла Великаго, къ которому (относятся) *многая похвала, прославленія, и разсказы, и военные подвиги.*

Въ этой не очень грамотно построенной фразѣ, по моему мнѣнію, нельзя не видѣть указанія на то, что черезъ три-четыре поколѣнія послѣ смерти Карла Великаго до отдаленнаго Константинополя доходили не только извѣстія объ его военныхъ подвигахъ (περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα — res gestae), но и нѣсколько, можетъ быть, смутное представленіе о тѣхъ поэтическихъ похвалахъ (ἐγκώμια), которыя звучатъ въ честь его, и о народныхъ сагахъ (διηγήματα), героемъ которыхъ сталъ онъ.

И такъ, слова эти служатъ косвеннымъ, не очень яснымъ, но за то дорогимъ по своей древности и достовѣрности свидѣтельствомъ о двухъ источникахъ chansons de geste: лиро-эпическихъ кантиленахъ и народныхъ преданіяхъ, получившихъ художественную обработку только впослѣдствіи.

А. Кирпичниковъ.

II.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). **Стихотворенія.** Москва, 1896 г. 8°.

Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Сборникъ стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберъ), представленный на соисканіе преміи имени Пушкина, заключаетъ въ себѣ около сотни стихотвореній, преимущественно лирическихъ и раздѣленъ авторомъ на четыре отдѣла. Въ первомъ сгруппированы стихотворенія мелкія, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ отъ 1889 до 1895 года включительно; второй содержитъ въ себѣ «Русскіе мотивы»; третій—семь сонетовъ, и, наконецъ, четвертый, которому дано заглавіе: «Подъ небомъ Эллады», посвященъ отголоскамъ классическаго міра и антологіи. Но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное. Въ сущности, весь сборникъ г-жи Лохвицкой и всѣ стихотворенія, въ немъ заключающіяся, имѣютъ одно содержаніе; содержаніе это исчерпывается словомъ *любовь*; стихотворенія г-жи Лохвицкой, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это старое, какъ міръ, какъ человѣчество чувство; но мы далеки отъ того, чтобы ставить такое однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безъискуственно простъ, читается

легко и также легко запоминается—несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство риѳмъ, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ. Какъ образецъ, мы приведемъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, слѣдующее стихотвореніе:

Если-бъ счастіе мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,
День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

Нельзя, мнѣ кажется, въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ. Мы, конечно, выписали одно изъ лучшихъ стихотвореній сборника; встрѣчаются въ немъ пьесы и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя; но таковыхъ не много. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой мы относимъ неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ риомъ, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и непріятнымъ чередованіемъ

шести-, пяти- и четырех-стопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ». Если мы упомянемъ о встрѣчающемся кое-гдѣ отсутствіи обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ, да о нѣкоторыхъ промахахъ, въ родѣ употребленія слова «*плечей*» вмѣсто «плечъ», мы исчерпаемъ всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя къ внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, мы должны замѣтить, что посвященное, какъ мы уже сказали, почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной (изображеніе которой царитъ въ настоящее время во Французской литературѣ), содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по настроенію, по краскамъ, по освѣщенію, и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью напѣва и повтореніемъ однихъ и тѣхъ картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью—но сами они до безконечности разнообразны и притомъ, взятыя въ отдѣльности, почти всегда красивы, оригинальны и жизненны.

Для примѣра укажемъ на нѣсколько стихотвореній изъ разныхъ отдѣловъ сборника. Вотъ «Призывъ» любви:

Полу-прозрачной, легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой;
Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
Хочу я встрѣтиться съ тобой...

Тоска любви!.. съ какою силой
Она сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда не слышу голосъ милый
Въ ночной унылой тишинѣ!

Деревья дремлютъ... небо ясно...
Приди! — я жду тебя одна.
О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
Какъ упоительна весна! —

Все полно нѣги сладострастья,
Неизъяснимой красоты...
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

А вотъ, также призывъ любви, но уже въ другой формѣ, въ другихъ образахъ:

Въ день ненастный астра полевая
Къ небесамъ свой вѣнчикъ подняла
И молила, солнце призывая,
Въ страстной жаждѣ свѣта и тепла:
— «О, владыка дня,
Оживи меня! —
Я твоимъ сіяніемъ жила....»

И природы вѣчное свѣтило,
Внявъ мольбамъ продрогшихъ лепестковъ,
Вновь улыбкой землю озарило,
Сбросивъ тучи мертвенный покровъ...
Тьмы и хлада нѣтъ; —
Ярко блещетъ свѣтъ
Сквозь завѣсу влажныхъ облаковъ.

Но головку солнцу подставляя,
Подъ его губительнымъ огнемъ
Стала блекнуть астра полевая
Все твердя въ безуміи своемъ:
О, еще, молю!
Я твой свѣтъ люблю,
Жизнь моя и упоенье въ немъ!..

Тотъ же порывъ чувства, который въ первомъ стихотвореніи выраженъ въ лирической пѣснѣ, во второмъ воплощенъ въ образѣ стремящагося къ солнцу цвѣтка, жаждущаго его свѣта и тепла. Наконецъ, тотъ же мотивъ послужилъ содержаніемъ цѣлой картины, изображенной авторомъ въ «Легендѣ желтыхъ розъ»— стихотвореніи, помѣщенномъ въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Подъ небомъ Эллады».

Вотъ отрывокъ этого прекраснаго стихотворенія:

Мой брачный пиръ ужъ подходилъ къ концу,
Когда я юношу прелестнаго узрѣла...
Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ такъ шелъ къ его лицу...
Не знаю, почему спросить я не посмѣла,
Кто онъ; но все мнѣ нравилося въ немъ:
И взоръ его, пылающій огнемъ,
И кудри черныя, упавшія на плечи,
И стройный станъ, и мужественный видъ,
И легкій пухъ его ланитъ,
Спаленныхъ солнцемъ... голосъ!.. рѣчи!
О нѣтъ! — то былъ не человѣкъ, а богъ!
Никто изъ смертныхъ, изъ людей, не могъ
Вмѣстить въ себѣ такія совершенства!
Онъ былъ хорошъ какъ юность, какъ любовь!
И вмигъ ключомъ моя забила кровь,
Вся трепетала я отъ муки и блаженства...
И пышный пиръ былъ мною позабытъ;
Я все смотрѣла, глазъ не опуская
На милый ликъ. — «Вотъ, Федра дорогая, —
Сказалъ Тезей, — мой сынъ, мой Ипполитъ;
Люби его»... И я его люблю!
Киприда свѣтлая! одинъ лишь мигъ молю,
Дай счастья мнѣ! О, только мигъ одинъ!
Сюда, — ко мнѣ!.. мой другъ!.. мой богъ!.. мой сынъ!..

Приведенные примѣры въ достаточной степени поясняютъ

высказанную нами мысль о томъ, что однообразіе и ограниченность содержанія въ поэзіи г-жи Лохвицкой въ значительной мѣрѣ искупаются той виртуозной игрой образовъ звуковъ и красокъ, которая невольно увлекаетъ читателя и не даетъ ему замѣтить, что въ сущности онъ перечитываетъ подъ разными видами одну и ту-же старую сказку.

Небольшая поэмка «У моря» и стихотвореніе «Эллада» даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія, не лишенныя достоинства.

Для примѣра описательной поэзіи въ сборникѣ, мы приведемъ слѣдующіе отрывки изъ двухъ вышеназванныхъ пьесъ.

Изъ поэмы «У моря»:

Блистающій средь сумрака ночного
Горѣлъ огнями Петергофъ.
Громадная толпа гудѣла безтолково
И, вырвавшись изъ мраморныхъ оковъ,
Взметая вверхъ клубы алмазной пыли,
Струи фонтановъ пламенныя били.
Роскошныя гирлянды фонарей
Повисnули причудливо и ярко
На темной зелени вѣтвей —
Какъ пестрые цвѣты диковиннаго парка
Сверкая въ глубинѣ аллей
И въ зеркалѣ прудовъ, обманывая взоры,
Сливался въ волшебные узоры.

Изъ той-же поэмы:

Какая ночь! — Сребристое сіянье
Клубясь, какъ дымъ, ложится на поля,
И, кажется, весь міръ, и небо, и земля —
Все замерло въ тревожномъ ожиданьѣ.

Безмолвный паркъ, мечтаній тайныхъ полнъ,
Не шелестятъ листвой завороженной.
Издалека несутся вздохи волнъ
И моря ропотъ возбужденный,
А я смотрю, и жду, и рвусь туда,
Куда летятъ всѣ мысли, всѣ желанья...
Какъ сильно ароматъ разноситъ резеда...
И лиліи не спятъ — ихъ жаркаго дыханья
Порхнула мнѣ въ лицо душистая струя...
Чу!.. полночь бьетъ!.. Уже!.. А тамъ что слышу я?
То вѣтра шумъ, иль шепотъ заклинанья?
Иль гіацинтовъ чудный звонъ?
То счастья зовъ, иль арфы лепетанье,
Иль безъисходной муки стонъ?

Такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ и, наконецъ, яркость образовъ положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію г-жи Лохвицкой; а слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія «Эллада» свидѣтельствуетъ, что авторъ вполнѣ владѣетъ и простою, повѣствовательною стихотворною рѣчью — свойствомъ болѣе рѣдкимъ и цѣннымъ, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Поддержать въ читателѣ поэтическое настроеніе при передачѣ обыденныхъ простыхъ событій жизни и обстановки — одна изъ труднѣйшихъ задачъ поэтическаго творчества, для выполненія которой нѣтъ ни правилъ, ни законовъ. Только природное, такъ называемое поэтическое чутье — другими словами, опять-таки, дарованіе — можетъ при этомъ не дать повѣствованію впасть въ скучный прозаизмъ. Г-жа Лохвицкая обладаетъ этимъ чутьемъ и можетъ разсказывать самыя простыя вещи *языкомъ поэтическимъ*.

Какъ въ смутномъ снѣ, я помню знойный день,
Держа въ рукахъ цвѣточныя корзины,

Усталая я сѣла на ступень
У пьедестала мраморной Аѳины.
Былъ полонъ рынокъ, солнцемъ залитой,
Кипѣла жизнь роскошная Эллады.
Плѣняли взоръ изящной простотой
Красавицъ стройныхъ легкіе наряды.
Какъ много лицъ мелькало предо мной;
Философы, носильщики, рабыни...
Звучалъ языкъ, забытый мною нынѣ,
Но нѣкогда и близкій, и родной,
И падали журча струи фонтана
Изъ губъ открытыхъ каменнаго Пана,
Но вотъ, нежданно я окружена
Ораторовъ толпой краснорѣчивой;
Кому гвоздика пышная нужна,
Кому корзинка съ жгучею крапивой,
(Невзрачное растенье, но оно
Одобрено безсмертной Аѳродитой
И почему-то ей посвящено)
Кому вѣнокъ изъ розъ, плющомъ увитый,
Иль алый макъ, простой цвѣтокъ полей,
Желанный тѣмъ, что намъ даетъ забвенье —
Черезъ него въ блаженномъ сновидѣньи
Покинутымъ отраду шлетъ Морфей;
Его потомъ я оцѣнила тоже,
Тогда-жъ — ѳіалки были мнѣ дороже.

Приведенные отрывки по красотѣ, простотѣ и образности поэтическаго повѣствованія могли бы быть смѣло включены въ эпическія произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ послѣ-Пушкинскаго періода, безъ всякаго ущерба для этихъ произведеній, и было бы жаль, если бы г-жа Лохвицкая пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой. Наконецъ, въ сборникѣ встрѣчаются стихотворенія, хотя

и немногочисленныя, въ которыхъ, со свойственной ей искренностью, г-жа Лохвицкая выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовію, чувство стремленія къ чему то высшему и лучшему. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать цѣликомъ два такихъ стихотворенія, во-первыхъ потому, что сами по себѣ они превосходны, а во-вторыхъ потому, что появленіе ихъ изъ-подъ пера такой искренней писательницы, какъ г-жа Лохвицкая, подаетъ надежду на то, что поэтическій кругозоръ ея расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Душѣ очарованной снятся лазурныя дали,
Нѣтъ силъ отогнать неотступную грусти истому,
И рвется душа, трепеща отъ любви и печали,
Въ далекія страны, незримыя оку земному...

Но время настанетъ, и, сбросивъ оковы безсилья,
Воспрянетъ душа, *не нашедшая въ жизни отвѣта*,
Широко расправитъ могучія, бѣлыя крылья
И узритъ чудесное въ морѣ блаженства и свѣта!

Слѣдующее стихотвореніе, «Сумерки», еще изящнѣе, еще тоньше по построенію:

Съ сліяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья.

Скользятъ въ туманъ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта
И блѣдныхъ образовъ черты
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что̀ было такъ давно...
Что̀ было отжито когда-то...

Мы можемъ только искренно пожелать, чтобы настроеніе, съ такой удивительной тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи (особенно замѣчательна вторая строфа) было предвѣстьемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «клочья свѣта»—превратились въ *настоящія мысли* и *настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только, какъ алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды. Сбудется ли это наше пожеланіе, можетъ показать только будущее.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести на справку одно воспоминаніе, которое можетъ въ тоже время послужить для меня и руководствомъ къ составленію окончательнаго мнѣнія по вопросу о присужденіи г-жѣ Лохвицкой преміи имени Пушкина.

По выходѣ въ свѣтъ сборника стихотвореній г-жи Лохвицкой покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вѣроятно лично знакомый съ авторомъ, передалъ покойному-же Аполлону Николаевичу Майкову и мнѣ по экземпляру этого сборника. Познакомившись съ его содержаніемъ, я по обычаю своему поспѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ Аполлономъ Николаевичемъ. Мы вмѣстѣ перечли многія стихотворенія, при чемъ я не могъ удержаться отъ восклицанія: «а вѣдь этотъ сборникъ, по моему мнѣнію, вполнѣ достоинъ Пушкинской преміи!».

—«Половинной,»... съ улыбкой добавилъ Аполлонъ Николаевичъ.—«Надо еще посмотрѣть, что изъ Лохвицкой выйдетъ далѣе».

III.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ (съ приложеніями). Томъ шестой. М. и Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1896. VIII + 832 стр.

Тоже. Томъ седьмой (съ приложеніями). Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1896. V + 1088 стр.

Критическій разборъ А. Н. Пыпина

Приступая къ X-му изданію сочиненій Гоголя (т. I—V, М. 1889—1890), Н. С. Тихонравовъ руководился слѣдующими соображеніями, которыя онъ изложилъ въ предувѣдомленіи къ первому тому.

Во-первыхъ, до сихъ поръ текстъ сочиненій Гоголя не удовлетворялъ задачамъ критическаго изученія писателя. «Вслѣдствіе особыхъ, исключительныхъ условій *текстъ* сочиненій Гоголя, еще при жизни его, подвергся искаженіямъ и произвольнымъ поправкамъ. Поэтъ писалъ свои произведенія такъ неразборчиво, съ такими вопіющими отсутствіями отъ общепринятыхъ правилъ правописанія, нерѣдко даже замѣняя одну букву другою, что оригиналы этихъ произведеній могли быть правильно переписаны писцомъ только при неослабномъ личномъ руководствѣ автора».

Первое изданіе сочиненій Гоголя печаталось безъ его личнаго надзора; самъ онъ былъ за границей, и пріятель его Прокоповичъ, которому было поручено изданіе, внесъ въ него много произвольныхъ поправокъ и искаженій, которыя перешли и въ послѣдующія изданія. Такимъ образомъ становился необходимымъ пересмотръ текста и исправленіе его по собственнымъ рукописямъ Гоголя.

Во-вторыхъ, самъ Гоголь не успѣлъ выполнить задуманнаго имъ плана такого изданія его сочиненій, которое дало бы читателю возможность составить вѣрное представленіе о «теоретическихъ понятіяхъ», какія авторъ «имѣлъ о литературѣ и объ искусствѣ, и о томъ, что̀ должно двигать литературу нашу». Такимъ образомъ становится необходимымъ приготовить изданіе, которое удовлетворяло бы потребностямъ историческаго изученія писателя. «Одною изъ характеристическихъ особенностей творчества Гоголя была медленность въ разработкѣ идеи и формы произведенія: разработка и переработка написаннаго произведенія совершалась въ теченіи цѣлыхъ годовъ, по частямъ, отрывками, одновременно съ работою надъ нѣсколькими другими произведеніями, въ перекрестныхъ направленіяхъ».

«Въ силу этой особенности своей художнической природы, Гоголь не разъ обращался къ новой переработкѣ, даже *напечатанныхъ* уже произведеній своихъ: «Портретъ», «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» передѣлывались *заново* на пространствѣ *всего* блестящаго періода чисто-художественной дѣятельности Гоголя (1835 г.—1842 г.)».

«Новыя воззрѣнія и впечатлѣнія вносились въ готовые, уже получившіе опредѣленную форму, сюжеты, и новыя симпатіи сказывались въ нихъ... Въ многочисленныхъ черновыхъ наброскахъ, передѣлкахъ, редакціяхъ «Тараса Бульбы», «Театральнаго Разъѣзда», первой части «Мертвыхъ Душъ» проходитъ передъ внимательнымъ наблюдателемъ исторія внутренней жизни поэта въ указанную эпоху. Набрасывая начерно эскизы своихъ поэтическихъ созданій, Гоголь вполнѣ отдавался «посѣщавшему его

вдохновенію», и въ этихъ первыхъ наброскахъ изливались его думы и чувства съ необыкновенною искренностью, — искренностью, которою не всегда отличаются его письма. И впослѣдствіи, возвращаясь къ отдѣлкѣ этихъ первыхъ, про себя сдѣланныхъ набросковъ, Гоголь начиналъ умѣрять и ограничивать излишнюю ихъ откровенность, заботливо сглаживая всѣ проявленія личнаго элемента и частныхъ, временныхъ чертъ... Укажемъ на «Театральный Разъѣздъ», на статью «О движеніи журнальной литературы», на нѣкоторыя страницы въ первой части «Мертвыхъ Душъ». Эти черновые наброски даютъ, въ своей совокупности, нерѣдко болѣе цѣнные факты для исторіи внутренней жизни поэта, чѣмъ его письма, иногда излишне осторожныя, почти всегда сдержанныя и не обнаруживающія охоты посвящать друзей въ литературныя занятія ихъ автора. Поэтому для тѣхъ, кто желалъ бы разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, необходимо изучить этотъ трудъ Гоголя по сохранившимся документамъ».

На этихъ двухъ основаніяхъ Тихонравовъ поставилъ для своего изданія Гоголя двѣ задачи: установленіе правильнаго текста сочиненій Гоголя и возможную полноту собранія.

Въ основаніе текста онъ принялъ то изданіе пятидесятыхъ годовъ, которое начато было Гоголемъ въ послѣдніе годы жизни и окончено послѣ его смерти — въ той части, которая была просмотрѣна самимъ Гоголемъ; затѣмъ Тихонравовъ воспользовался сохранившимися рукописями. Содержаніе этихъ рукописей онъ исчерпывалъ. Различныя редакціи сочиненій, возникавшія отъ первыхъ набросковъ до окончательной обработки, онъ издавалъ сполна; разнорѣчія между печатными текстами и рукописями, между прочимъ вслѣдствіе цензурныхъ передѣлокъ, онъ съ точностью передавалъ въ «варіантахъ»,— такъ что здѣсь собираемъ былъ *весь матеріалъ* работъ Гоголя надъ своими сочиненіями, какой только сохранился въ оставшихся бумагахъ. Съ такою же обстоятельностію Тихонравовъ исполнялъ другую свою задачу: исторію текста произведеній Гоголя. Изъ переписки

Гоголя, изъ сохранившихся біографическихъ свѣдѣній онъ собиралъ указанія о томъ, какъ возникало и исполнялось то и другое произведеніе, провѣрялъ эти данныя уцѣлѣвшими рукописными текстами и набросками, такъ что возстановлялась, насколько возможно, исторія каждой работы Гоголя.

Извѣстно, какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ, комментаріи и варіанты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ.

Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Имъ издано было пять томовъ и смерть застигла его среди работы надъ шестымъ.

Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, и это было наилучшимъ, что онъ могъ сдѣлать. Уже многіе годы г. Шенрокъ посвящалъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя, которую онъ между прочимъ обогатилъ ранѣе неизданными и неизвѣстными матеріалами. При этомъ, однимъ изъ основныхъ его интересовъ было, конечно, изслѣдованіе развитія творчества Гоголя и имъ былъ внимательно изученъ весь матеріалъ изданія Тихонравова, насколько оно вышло тогда въ свѣтъ. Г. Шенрокъ высоко цѣнилъ изданіе Тихонравова, которое цитировалось имъ какъ авторитетный источникъ: эту оцѣнку труда Тихонравова онъ изложилъ въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, 13-го марта 1894, въ рѣчи напечатанной потомъ, въ дополненномъ видѣ, въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», который изданъ былъ въ 1894 друзьями и учениками профессора (М. 1894, стр. 92—122: «Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель сочиненій Гоголя»). Эта статья г. Шенрока есть подробная исторія и характеристика работъ Тихонравова надъ Гоголемъ, и авторъ заключилъ статью слѣдующими словами: «Научные пріемы Тихонравова имѣли большое значеніе не только для его собственныхъ работъ, но могутъ также служить прекраснымъ образцомъ для молодыхъ ученыхъ, для которыхъ важно познакомиться съ рѣдкой солидностью и основательностью трудовъ Тихонра-

вова, качествами, ставящими нашего покойнаго изслѣдователя сочиненій Гоголя на ряду съ лучшими учеными западной Европы».

Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, большая доля котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна ту же программу изданія, которая вызывалась сущностью задачи, и которую онъ еще раньше такъ высоко оцѣнивалъ. Въ первыхъ словахъ своего предисловія къ VI тому изданія г. Шенрокъ говорилъ: «Принявъ на себя большой и отвѣтственный трудъ по окончанію настоящаго изданія сочиненій Гоголя, остановившагося за смертью Н. С. Тихонравова на первой половинѣ предлагаемаго шестаго тома (покойнымъ были отпечатаны только первые двадцать листовъ), мы поставили своей задачей, сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнить дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ». Дѣйствительно, г. Шенрокъ точно также печаталъ тексты, старательно сличая рукописные и печатные матеріалы и собирая обширные варіанты; и точно также старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія, — за однимъ исключеніемъ, о которомъ упомянемъ далѣе.

Какъ сказано, въ VI-мъ томѣ было напечатано Тихонравовымъ двадцать листовъ текста, — еще пятнадцать листовъ текста было напечатано г. Шенрокомъ.

Въ VII-мъ были уже набраны двѣ первыя полныя редакціи перваго тома «Мертвыхъ Душъ», но (по смерти Тихонравова) сохранить наборъ оказалось невозможнымъ и вся работа должна была повториться вновь; затѣмъ, повидимому, листы 24—30 текста были вновь составлены г. Шенрокомъ. Примѣчанія редактора и варіанты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI-мъ томѣ страницы 542—827 за исключеніемъ исторіи текста «Ревизора» (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варіанты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей стра-

ницы 829—947, гдѣ г. Шенрокъ могъ отчасти воспользоваться работой Тихонравова; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ страницы 949—1087.

Таковъ внѣшній объемъ работы. Въ собираніи варіантовъ г. Шенрокъ могъ воспользоваться трудомъ Тихонравова лишь въ очень незначительной степени, и одна эта часть редакціи изданія, собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій, должна была потребовать большого труда. Съ такимъ же стараніемъ г. Шенрокъ исполнялъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности Гоголя. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находятъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ, особливо подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба» (стр. 545—575), въ дополненіе къ статьѣ самого Тихонравова во II-мъ томѣ изданія, и указаніе варіантовъ занимаетъ страницы 575—587. Далѣе, обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора» (стр. 631—666), программѣ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ, статьѣ о петербургской сценѣ въ 1835—1836 году, статьѣ о движеніи журнальной литературы въ 1834—1835 годахъ, рецензіямъ Гоголя въ «Современникѣ», Пушкина, первоначальной редакціи «Коляски» и т. д. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ Душъ» (стр. 475—597 и варіанты, стр. 597—776) опять въ дополненіе къ прежней работѣ Тихонравова объ окончательномъ текстѣ «Мертвыхъ Душъ», причемъ опять приведено множество варіантовъ изъ сохранившихся отдѣльныхъ черновыхъ набросковъ. Далѣе, г. Шенрокъ подробно останавливается на тѣхъ страницахъ, которыя передѣланы были Гоголемъ по выходѣ въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ»; объясняетъ вновь найденные наброски къ первой и ко второй части «Мертвыхъ Душъ».

Обширный отдѣлъ, заключающій описаніе рукописей Гоголя, былъ только начатъ Тихонравовымъ и доведенъ г. Шенрокомъ до конца: онъ долженъ былъ выяснить весь внѣшній со-

ставъ матеріала, какой былъ въ рукахъ редактора въ этомъ изданіи Гоголя. Здѣсь описано все до послѣдняго листка и между прочимъ сообщено не мало отдѣльныхъ замѣтокъ Гоголя. Наконецъ г. Шенрокъ составилъ упомянутый обширный указатель, ко всѣмъ семи томамъ, который распадается на нѣсколько частныхъ указателей. Во первыхъ, въ указателѣ *хронологическомъ* находимъ перечень произведеній Гоголя въ хронологическомъ порядкѣ съ 1825 до 1852 года; затѣмъ данъ списокъ годовъ, встрѣчающихся въ текстѣ настоящаго изданія съ 1864 до 1895 (что̀ можетъ представляться излишнею роскошью). Указатель *собственныхъ именъ* заключаетъ имена личныя, географическія, заглавія статей и даже собачьи клички. Указатель *предметный* заключаетъ всякіе предметы, какіе редакторъ изданія счелъ нужнымъ отмѣтить въ сочиненіяхъ Гоголя. Для отдѣла примѣчаній редактора и варіантовъ составленъ *отдѣльный* указатель, одна часть котораго посвящена собственнымъ именамъ всякаго рода, личнымъ, географическимъ, литературнымъ, а другая предметамъ.

По нѣкоторымъ пунктамъ г. Шенрокъ сдѣлалъ однако небольшія отступленія отъ порядка изданія, принятаго Тихонравовымъ. Въ «предувѣдомленіи» къ I тому Тихонравовъ предполагалъ помѣстить въ изданіи только выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя и раньше изданія дѣйствительно помѣстилъ въ одномъ журналѣ только выдержки; но, судя по оставшимся послѣ него конспектамъ, онъ колебался относительно этого пункта и думалъ потомъ напечатать въ VI томѣ ихъ полный текстъ, — г. Шенрокъ помѣстилъ полный текстъ. Далѣе, г. Шенрокъ прибавилъ небольшую шуточную замѣтку Гоголя. Относительно лекцій Гоголя по исторіи, г. Шенрокъ отложилъ объясненія къ нимъ до особаго изслѣдованія, такъ какъ объясненіе этого вопроса потребовало бы много времени. Къ наброскамъ Гоголя, относящимся къ древней исторіи, которые Тихонравовъ занесъ въ свою программу, г. Шенрокъ присоединилъ наброски по русской исторіи, которые нашелъ разсѣянными въ его бумагахъ. Далѣе, г. Шенрокъ говоритъ: «Единственное, сдѣланное нами,

намѣренное отступленіе отъ традиціи Н. С. Тихонравова касается орѳографіи. Какъ видно изъ отпечатанныхъ первыхъ двадцати листовъ, покойный ученый старался сохранить въ своемъ изданіи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанія, которымъ великій писатель оставался вѣренъ постоянно. Такъ Гоголь всегда писалъ: «всякой», «мѣлкій» и проч. Но какъ показало дѣло, сохранить въ данномъ случаѣ безусловную послѣдовательность оказалось рѣшительно невозможнымъ; укажемъ напр. на 15 страницъ предлагаемаго тома въ VI явленіи «Жениховъ» въ одной и той же репликѣ Жевакина: «пожалуйста, душенька», «спасибо, душинька» и «благодарю, душенька». И дѣйствительно, такую же точно непослѣдовательность мы встрѣчаемъ и въ подлинной рукописи. Въ виду этого, не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанія и случайными орѳографическими ошибками нашего писателя, мы находимъ болѣе удобнымъ отмѣчать то и другое въ варіантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такія особенности Гоголевской транскрипціи, какъ напр. щекатурка, сурьезный. Сохраненіе же своеобразностей Гоголевскаго правописанія можетъ иногда производить на читателя непріятное впечатлѣніе частыхъ опечатокъ; такъ на стр. 4-й встрѣчаемъ слѣдующія точно воспроизведенныя по рукописи ошибочныя начертанія: «безъотчетный, суботній, мѣлкій»; очень часто встрѣчается также у Гоголя невѣрное начертаніе: «мелодрамма» (но иногда и правильно съ однимъ м) и проч. Лично, впрочемъ, мы не склонны придавать значеніе собственно *правописанію* Гоголя».

Относительно VII-го тома г. Шенрокъ объясняетъ, что въ виду непомѣрно разросшагося матеріала (VI т. заключаетъ 52 печатныхъ листа, VII-й—68) онъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія привести въ описаніи рукописей всѣ выписки Гоголя изъ интересовавшихъ его книгъ и составить указатель къ этому отдѣлу.

По той же причинѣ не внесенъ составленный Гоголемъ не-

большой словарь простонародныхъ словъ, напечатанный Тихонравовымъ раньше въ «Сборникѣ Общества любителей россійской словесности»; впрочемъ онъ не былъ внесенъ въ программу изданія и самимъ Тихонравовымъ. Наконецъ, относительно указателей г. Шенрокъ, руководясь заботами о полнотѣ, объясняетъ, что онъ «опустилъ указанія страницъ, на которыхъ въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» упоминается имя Чичикова, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы приводить почти всѣ страницы; по этой же причинѣ не отмѣчены страницы, гдѣ напримѣръ встрѣчается имя Божіе въ «Размышленіяхъ о Божественной Литургіи», или имя Гоголя въ примѣчаніяхъ редактора и варіантахъ, такъ какъ подобное перечисленіе почти сплошь всѣхъ страницъ извѣстныхъ отдѣловъ, конечно, уже не отвѣчало бы задачамъ указателя». Какъ видимъ, г. Шенрокъ черезчуръ преувеличивалъ здѣсь свою заботливость.

Таковъ составъ работы г. Шенрока по изданію VI-го и VII-го тома сочиненій Гоголя. Въ постановкѣ ея онъ слѣдовалъ плану, принятому Тихонравовымъ. Къ г. Шенроку не относились бы возраженія, какія могъ вызвать этотъ планъ. Не говоря о той точкѣ зрѣнія, какую высказалъ нѣкогда Гончаровъ въ своемъ трактатѣ о «нарушеніи воли»,—подобное изданіе *всѣхъ* бумагъ являлось бы такимъ же «нарушеніемъ», какъ изданіе переписки, не назначавшейся для печати; самъ Гоголь пришелъ бы въ ужасъ отъ этого раскрытія всѣхъ, самыхъ мелкихъ частностей его интимной работы, гдѣ онъ собиралъ мелькавшія подробности художественнаго вдохновенія, отмѣчалъ отрывочныя наблюденія, пополнялъ свои недостаточныя свѣдѣнія о той Россіи, для которой хотѣлъ стать учителемъ,—не говоря объ этой точкѣ зрѣнія, можно было видѣть нѣкоторое излишество въ желаніи абсолютной полноты даже въ передачѣ мелкихъ варіантовъ и ороографическихъ ошибокъ: эти ошибки и мелкіе варіанты можно было бы оговорить въ одномъ общемъ объясненіи свойства рукописей. Но такой взглядъ встрѣчался съ другой точкой зрѣнія. Безъ «нарушенія воли» невозможна исторія и біографія, и Го-

голь въ особенности представлялъ своеобразную личность и своеобразное литературное явленіе. Онъ занялъ въ русской литературѣ особое господствующее положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ его личность была столь оригинальна и столь замкнута, онъ такъ мало высказывался даже съ самыми близкими людьми, что для уразумѣнія его не только какъ человѣка, но и какъ писателя становилось необходимо внимательное изученіе всего, что̀ отъ него осталось. Это изученіе являлось не только исторической потребностью, но казалось даже требованіемъ піэтета къ великому писателю. Такъ смотрѣлъ на это Тихонравовъ. Той же точки зрѣнія издавна держался г. Шенрокъ, который въ своей біографіи Гоголя собиралъ малѣйшія подробности о Гоголѣ и былъ вообще его апологетомъ. Понятно, что за трудомъ Тихонравова онъ признавалъ безусловный авторитетъ.

Г. Шенроку предстояло только докончить начатое Тихонравовымъ, строго держась сохранившихся отъ него конспектовъ того, что̀ должны были заключать VI-й и VII-й томы. Какъ видно изъ его отвѣтовъ на критическія замѣчанія, явившіяся по поводу изданныхъ имъ томовъ, г. Шенрокъ былъ даже обязанъ къ выполненію конспектовъ Тихонравова контрактами съ издателемъ и съ опекунами имущества покойнаго Тихонравова. Поэтому въ своихъ предисловіяхъ г. Шенрокъ считалъ необходимыми такія подробныя оговорки о тѣхъ небольшихъ измѣненіяхъ противъ плановъ Тихонравова, какія онъ счелъ нужными по самому существу дѣла.

Какъ мы видѣли, эти измѣненія весьма не велики и могутъ быть вполнѣ оправданы; между прочимъ и приведенныя выше замѣчанія о «правописаніи» Гоголя. Этого правописанія, собственно говоря, не было, и достаточно было оговорить этотъ пунктъ однажды, чтобы не утомлять читателя доказательствами этого въ самыхъ писаніяхъ Гоголя (здѣсь имѣются въ видѣ тѣ его тексты, которые печатались изъ рукописей, какъ варіанты и какъ историко-литературный матеріалъ).

Весь основной трудъ по изданію произведеній Гоголя, его

набросковъ и замѣтокъ, частью варіантовъ извѣстныхъ ранѣе сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно и достаточно взглянуть на безконечные списки варіантовъ, чтобы оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи. Нѣкоторые критики ставили ему въ упрекъ, что въ число матеріаловъ для объясненія «Ревизора» не помѣщенъ тотъ первоначальный сценическій текстъ, который былъ раньше изданъ Тихонравовымъ отдѣльною книжкой «Ревизоръ, и пр. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Н. Тихонравовымъ». Москва, 1886); но г. Шенрокъ объясняетъ, что этотъ текстъ опущенъ потому, что не былъ поставленъ самимъ Тихонравовымъ въ его конспектѣ VI-го тома, — почему это было такъ сдѣлано, несовсѣмъ понятно.

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ варіантовъ. Можно было бы указать еще нѣсколько неисправностей подобнаго корректурнаго свойства. Напримѣръ, печатая въ исторіи текста «Ревизора» статью Тихонравова изъ упомянутой книжки 1886 года, г. Шенрокъ недостаточно объясняетъ читателю происхожденіе этой статьи и, прибавляя къ ея тексту свои дополнительныя примѣчанія, опять недостаточно отдѣляетъ ихъ отъ примѣчаній самого Тихонравова, или повторяетъ ссылки на страницы этой книжки, которыми читатель не можетъ воспользоваться въ ея перепечаткѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Шенрокъ опять теряетъ мѣру въ заботливости своего комментарія. Напр. приводя наброски Гоголя изъ древней исторіи, онъ объясняетъ, что Гоголь дѣлалъ выдержки изъ Геродота и въ доказательство приводитъ длинный эпизодъ изъ Геродота въ греческомъ подлинникѣ (т. VI, стр. 789—790), причемъ замѣчаетъ тотчасъ, что переводныя выдержки сдѣ-

ланы: «разумѣется, не прямо съ греческаго языка, котораго Гоголь, какъ извѣстно, не зналъ вовсе»: зачѣмъ же нужна была эта греческая цитата?

Но въ цѣломъ, внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ всякаго уваженія[1]). «Мы, — говоритъ онъ въ предисловіи къ заключительному тому изданія, — отнюдь не можемъ имѣть самонадѣянныхъ притязаній на сравненіе нашихъ посильныхъ работъ съ образцовымъ трудомъ такого капитальнаго ученаго, какимъ былъ нашъ почтенный предшественникъ; но чувство глубочайшаго благоговѣнія, какъ къ нему, такъ еще болѣе къ самому издаваемому автору, побуждало насъ всѣми силами стремиться къ той идеальной отчетливости и полнотѣ, какими всегда выдѣлялось все выходившее изъ-подъ пера покойнаго Н. С. Тихонравова. Представляя теперь послѣдніе два тома на судъ критики и общества, мы можемъ желать только того, чтобы вложенный нами въ дѣло упорный и, смѣемъ надѣяться, добросовѣстный трудъ до нѣкоторой степени послужилъ искупленіемъ ускользнувшихъ отъ насъ, быть можетъ, недосмотровъ». Изъ того, что̀ мы говорили выше, можно видѣть, сколько дѣйствительно добросовѣстнаго труда г. Шенрокъ положилъ на изученіе рукописей Гоголя, на ихъ сопоставленіе и сличеніе въ настоящемъ изданіи, на опредѣленіе исторіи произведеній Го-

---

[1]) Прибавимъ, что трудъ г. Шенрока вообще вызвалъ въ печати весьма сочувственные отзывы. См.:

— Р. Мысль, 1896, ноябрь, 3-й отд., стр. 503—504.

— Р. Старина, 1896, сентябрь, на оберткѣ.

— Наблюдатель, 1896, ноябрь, отд. 2-й, стр. 17—19.

— Сѣверный Вѣстникъ, 1896, іюль, стр. 322—323.

— Кіевская Старина, 1896, іюль — августъ, библіографія, стр. 27—30, ст. Евг. Пѣтухова.

— Р. Вѣдомости, 1896, № 131, 143, 163, 180, рядъ статей В. Якушкина: «Изъ исторіи творчества Гоголя».

— Р. Обозрѣніе, 1896, августъ, стр. 859—860.

На замѣчанія, сдѣланныя въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ, г. Шенрокъ отвѣчалъ въ «Р. Вѣдомостяхъ» того же года, 29-го іюля, № 207 и въ «Р. Обозрѣніи», сентябрь, стр. 471—473.

голя, и наконецъ на то, чтобы составленіемъ указателей облегчить дальнѣйшимъ изслѣдователямъ изученіе Гоголя. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя, это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя.

IV.

Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса. Съ портретомъ автора и 14 отд. рисунками Н. П. Загорскаго и Т. И. Никитина. СПБ. 1893. Ц. 1 р. 50 к. (стран. 229).

Критическій разборъ, составленный В. П. Острогорскимъ.

Въ исторіи русской дѣтской литературы существуетъ два рѣзко отличающихся другъ отъ друга періода. Въ первомъ, приблизительно до шестидесятыхъ годовъ, въ дѣтской беллетристикѣ, за рѣдкими исключеніями, господствуетъ голая, надоѣдливая, мораль, сентиментальность, искусственность. Пишущіе для дѣтей почти никогда не отличаются талантливостью художника, и дѣтскія книги скучны, не давая ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Не мудрено поэтому, что маломальски даровитыя дѣти не любили этой «*своей*» литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣняются и требованія отъ дѣтской книги. И вотъ, мало-помалу, наступаетъ новый, второй, періодъ, когда къ послѣдней уже начинаютъ предъявляться тѣ-же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. За неимѣніемъ же еще книгъ художественныхъ, написанныхъ спеціально для дѣтей, является рядъ уже болѣе или менѣе инте-

ресныхъ и удачныхъ выборокъ, сокращеній или передѣлокъ, преимущественно изъ большой литературы иностранной, а затѣмъ появляются и оригинальныя прекрасныя произведенія для дѣтей, написанныя уже настоящими художниками, Полонскимъ, Плещеевымъ, Потѣхинымъ, Засодимскимъ и др.; нынѣ же не брезгаютъ писать для дѣтей очень многіе русскіе писатели, какъ Немировичъ-Данченко, Маминъ-Сибирякъ, Мордовцевъ, Потапенко, Альбовъ, Баранцевичъ и др. И въ настоящее время, кажется, уже несомнѣнно—изъ беллетристики признается годнымъ для дѣтей единственно только то, что̀, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждая въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, можетъ быть въ то-же время интереснымъ и художественнымъ и для взрослыхъ.

Среди этой-то новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ, по всей справедливости, занимаетъ В. П. Авенаріусъ. Выступилъ онъ въ литературу еще въ 1865 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», а затѣмъ, участвуя талантливыми повѣстями въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», въ «Недѣлѣ», онъ съ семидесятыхъ годовъ всецѣло посвящаетъ свой талантъ дѣтямъ и его «*Книга былинъ*», «*Сказки*», «*Васильки и колосья*», особенно же оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги «*Отроческіе*» и «*Юношескіе годы А. С. Пушкина*» одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами русскаго юношества. Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить, только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ ребячью или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполнѣ естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ,

къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавшаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подростающихъ поколѣніяхъ.

Если очень трудно писать собственно для дѣтей вообще, то тѣмъ болѣе трудно писать для нихъ о нихъ же самихъ. Дѣти, какъ и простолюдины, не любятъ читать про самихъ себя: — ихъ вниманіе привлекается скорѣе чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, новымъ, изъ міра другого, имъ неизвѣстнаго. Но великій магъ и волшебникъ-художникъ, ему одному данною силой, умѣетъ и въ самомъ обыденномъ, всѣмъ, повидимому, извѣстномъ, открыть и въявь показать новое, неизвѣстное, и такимъ образомъ сдѣлать это старое какъ бы новымъ, въ извѣстномъ отыскать доселѣ неизвѣстное. Таковы классическія книги С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова внука»; таковы «Дѣтство» и «Отрочество» гр. Л. Толстого, хотя написанныя и не для дѣтей, но составляющія любимѣйшее дѣтское чтеніе. Въ чемъ же здѣсь сила? Сила эта въ непосредственномъ воспроизведеніи настоящей дѣтской жизни, со всею искренностью и наивностью съ одной стороны, и въ то-же время, глубокою мудростью художника, незамѣтно раскрывающей внутренній, сокровенный смыслъ этой жизни, съ другой. Точно разсказываетъ дѣтямъ своимъ свою собственную жизнь добрый отецъ или дѣдушка, сохранившій до старости ясность души и любовь къ жизни, и къ нимъ самимъ, этимъ ребятамъ, а такіе живые разсказы, хотя бы и про дѣтей, не могутъ дѣтямъ не нравиться.

Къ этимъ-то великимъ произведеніямъ С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого, какъ педагогическимъ, присоединили бы мы и «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», конечно, отнюдь не сравнивая съ громадными талантами названныхъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей скромнаго таланта г. Авенаріуса, но которому, все-таки, по нашему мнѣнію, принадлежитъ по праву, въ ряду именно дѣтскихъ воспоминаній, послѣ этихъ двухъ авторовъ, *первое* мѣсто, тѣмъ болѣе, что «Листки», хотя и написаны собственно

для дѣтей, не разсчитывая, какъ Аксаковъ и Толстой, на взрослыхъ, но тѣмъ не менѣе, съ большимъ интересомъ читаются и взрослыми.

«Листки», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ вполнѣ автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя фамильныя воспоминанія о своихъ собственныхъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ, о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренно, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и беретъ изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти не касается вовсе, и заключаетъ свои разсказы неожиданной смертью, отъ холеры, своего любимаго отца.

Предъ нами трудовая и благочестивая нѣмецкая обрусѣлая семья изъ трехъ пожилыхъ братьевъ: двухъ почтенныхъ лютеранскихъ пасторовъ и третьяго, главнаго доктора одной изъ петербургскихъ больницъ. Кромѣ нихъ еще живы и сестры. Всѣ три брата женаты. Одинъ изъ нихъ — Петръ, старый дерптскій студентъ, пѣвецъ и прирожденный ораторъ, пасторъ въ Царскомъ Селѣ, отецъ многочисленной семьи изъ десяти человѣкъ, четырехъ сыновей и шести дочерей, не считая пяти умершихъ, держитъ церковную школу, гдѣ и преподаетъ самъ съ женой и взрослыми дочерьми, преподавая также въ лицеѣ и въ корпусѣ. Это уважаемый во всемъ приходѣ человѣкъ, серьезный и строгій, лично извѣстный императору Николаю Павловичу, но карьеры себѣ составить не умѣвшій, живя скромно своими трудами. Другой братъ, Василій, тоже пасторъ, но въ Славянкѣ, близъ Павловска, страстный садоводъ и пчеловодъ, бездѣтный и зажиточный, беретъ къ себѣ на воспитаніе младшаго шестинедѣльнаго племянника Васю. Жизнь Васи до семи лѣтъ у баловника дяди (два

первыхъ Листка), четыре года въ школѣ у отца въ Царскомъ (третій Листокъ); каникулы, сначала въ Славянкѣ (четвертый и пятый, уже по поступленіи въ гимназію), а потомъ у отца въ селѣ Волесѣ на финляндской границѣ, куда приглашаютъ Петра къ себѣ, на его же родину, прихожане (Листки — шестой, седьмой, восьмой и девятый), наконецъ экзамены въ гимназіи и смерть отца (Листокъ десятый) — вотъ и все незатѣйливое содержаніе книги, которую разсмотримъ подробнѣе по отдѣльнымъ разсказамъ (Листкамъ).

Книга начинается маленькимъ разсказомъ «Ночные страхи». Шестилѣтній Вася, баловень своего пріемнаго отца-дяди и пожилой дѣвицы тети Ани, сущаго ангела по чистотѣ и добротѣ, о которой и черезъ сорокъ лѣтъ вспоминаютъ, какъ о святой. Съ трогательной простотой описываетъ авторъ ея заботы о малюткѣ, который спитъ съ ней въ одной комнатѣ, первое ласковое ученье, свои дѣтскіе сны и грезы, ночные страхи передъ воображаемыми ворами, которыми оказывается наблудившая въ столовой кошка, или привидѣніемъ, оказавшимся при лунномъ свѣтѣ простымъ полотенцемъ. Мальчикъ въ ужасѣ зоветъ тетю, — тетя успокаиваетъ дитя лаской... Вотъ и все... И какъ это все обыкновенно, просто... Но какая это миніатюра красивая, граціозная, близкая всѣмъ намъ по воспоминаніямъ дѣтства!

Второй разсказъ «Какъ я былъ разносчикомъ» уже полонъ болѣе глубокаго содержанія. Мы среди богатаго плодоваго и пчелинаго хозяйства стараго пастора-дяди, выгодно сбывающаго ягоды, яблоки и медъ въ столицу. Своимъ страстнымъ уходомъ за любимымъ садомъ онъ увлекаетъ и ребенка, которому отводитъ въ саду особый участокъ. Обильные барыши дяди соблазняютъ Васю, и онъ мечтаетъ и самъ выручить съ своего крошечнаго участка «страсть сколько денегъ». Коммерческій духъ пріобрѣтенія, обогащенія, подобно большинству дѣтей, обуялъ и его. Но ураганъ въ одну ночь произвелъ на участкѣ страшный погромъ: вся земля кругомъ была усѣяна сбитыми съ деревъ яблоками. И вотъ, у ребенка является блажная мысль, не говоря

никому ни слова, пойти въ воскресенье къ церкви съ корзиной и распродать сбитыя яблоки прихожанамъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ отправляется на погостъ, и на удивленіе и на смѣхъ послѣднимъ распродаетъ почти весь товаръ, чрезвычайно довольный спекуляціей, но осыпанный непонятными для него насмѣшками. «Въ полномъ церковномъ облаченіи, мирно и чинно возвращающійся изъ церкви всѣми уважаемый пасторъ», накрываетъ проказника, но, хотя и глубоко возмущенный торгашеской попыткой, тѣмъ не менѣе, кротко относится къ племяннику, отдавшему, по совѣту тети Ани, всю выручку погорѣлой нищенкѣ. «Коммерсанта такъ изъ меня и не вышло,—заканчиваетъ авторъ незатѣйливый разсказикъ о «первомъ стыдѣ».

Еще большимъ интересомъ и рисовкой, чисто во фламандскомъ вкусѣ, подробностей мелкой, но полной смысла жизни, отличается третій, большой разсказъ «У своихъ въ гостяхъ». Мальчику исполнилось семь лѣтъ, и дядя везетъ его въ Царское Село въ школу къ отцу. По дорогѣ вспоминается мальчику елка въ отцовскомъ домѣ, но въ общемъ понятіе у него объ этомъ домѣ смутное. Интересенъ первый урокъ ариѳметики, данный матерью, конфузъ новичка, приставанье къ нему товарищей, заступничество и наставленіе относительно «фискальства» со стороны старшаго брата Мити; вечеръ у родителей, нѣсколькими штрихами рѣзко очерченный пасторъ-отецъ, проповѣдникъ, ученый и строгій pater familias, и въ тоже время до сѣдыхъ волосъ студентъ-пѣвецъ студенческихъ пѣсенъ; приготовленіе перваго урока, вечерній семейный чай, благоговѣйное посѣщеніе никогда невидѣннаго прежде отцовскаго кабинета; утренній чай (для дѣтей патока съ молокомъ и кипяткомъ, съ хлѣбомъ) и бѣга мальчишекъ въ Царскомъ Селѣ. Прекрасно оттѣненъ контрастъ строгаго родительскаго режима съ привольною жизнью у богатаго баловника дяди, къ которому мальчикъ во всѣ четыре года ѣздилъ на праздники въ Славянку. «Только много лѣтъ спустя,— говоритъ авторъ, — на университетской скамьѣ, я вполнѣ оцѣнилъ то благотворное вліяніе, какое имѣло на меня четырехлѣт-

нее пребываніе въ гостяхъ у своихъ: живой примѣръ самихъ родителей, сестеръ и братьевъ пріучилъ меня къ усидчивому труду, вложилъ мнѣ въ душу сознаніе человѣческаго долга, сдѣлалъ меня «человѣкомъ» (стран. 64).

Четвертый и пятый (особенно живой) разсказы посвящены идилліи каникулъ въ Славянкѣ, куда пріѣзжалъ авторъ изъ школы. Очеркъ «Какъ мы купались» тепло рисуетъ природу мирнаго уголка подъ Павловскомъ, садъ, рыбную ловлю, купанье, красивую сценку въ водѣ между братьями, старшимъ, Митей, и младшимъ, Васей, держащими пари на леденцы, кто дольше просидитъ, нырнувъ, подъ водой; плаванье на старой досчатой двери, вмѣсто плота, — словомъ, живо знакомитъ съ столь близкими дѣтямъ лѣтними радостями и неизбѣжными маленькими приключеніями молодого народа, за которыми, благодаря автору, съ интересомъ слѣдитъ и взрослый.

Очеркъ «Разбойничья исторія безъ разбойниковъ» (одинъ изъ лучшихъ въ книгѣ) представляетъ Васю уже заправскимъ гимназистомъ, живущимъ съ старшимъ братомъ Митей у дяди-доктора, въ Петербургѣ, когда уже Вася, какъ большой, «ѣздилъ въ Славянку одинъ и самъ бралъ билетъ». Въ контрастъ гимназисту, «читающему Лермонтова», и, какъ штатскому, отличающемуся болѣе мирными наклонностями, и даже нѣкоторою трусостью, выставленъ его кузенъ-кадетъ, лихой наѣздникъ и страстный почитатель «Брынскаго лѣса», «Кузьмы Рощина», «Стеньки Разина» и другихъ разбойничьихъ романовъ. Возвращеніе Васи одного, пѣшкомъ, изъ Павловскаго вокзала, ночью, черезъ Анненковскій лѣсъ въ Славянку, подъ вліяніемъ страшныхъ розсказней храбраго кузена, — все это полно такого интереса, такъ правдиво, разсказано съ такимъ добродушнымъ юморомъ, что читается съ захватывающимъ интересомъ и дѣтьми, и взрослыми, напоминая Аксакова и гр. Л. Толстого.

Всего менѣе удаченъ шестой разсказъ «Пѣвунья птичка», рисующій дорогу лѣтомъ къ отцу въ пасторатъ Волесъ, черезъ Мурино и Токсово, съ веселой барышней, сестрой одного изъ

товарищей Мити, Вани Старикова, Леночкой. Онъ какъ-то растянутъ, и даже немножко слащавъ, что уже совсѣмъ не къ лицу талантливому автору; но зато этотъ разсказъ вполнѣ выкупаютъ четыре остальные. Седьмой — «Какъ проводили мы каникулы», какъ бы дополняетъ славный разсказикъ четвертый «Какъ мы купались», развертывая новую, уже широкую, картину дѣтскихъ радостей на деревенскомъ привольѣ страны озеръ, Финляндіи. Тутъ и раннее вставанье мальчиковъ-товарищей, и опять купанье, и ловля бабочекъ, и чтеніе цѣлымъ кругомъ молодежи, и семейные пельмени, приготавливаемые всѣмъ дамскимъ обществомъ, и уженье рыбы, и катанье въ лодкѣ, и ночной ужинъ простоквашей съ хлѣбомъ и сладкій сонъ, когда «такъ сладко спится подъ утро въ молодые годы». И вездѣ строго выдержанъ контрастъ между четырнадцатилѣтнимъ, младшимъ, Васей и его взрослыми гимназистами братьями, ихъ товарищемъ и барышнями, покровительственно относящимися къ подростку. Слѣдующій разсказъ «Первый воробей и первая утка», — какъ продолженіе предыдущаго, — первая въ жизни охота съ подареннымъ дядей ружьемъ — живо рисуетъ соблазны этого, совсѣмъ не педагогическаго спорта и чувство жалости при видѣ убитаго воробьишки и бѣднаго утенка, которое навсегда отвадило автора отъ дикой забавы, которой онъ и не предавался больше никогда, кромѣ случайной, единственной, будучи уже студентомъ, охоты на утокъ въ Финляндіи.

Точно жалѣя разстаться съ дорогими воспоминаніями дѣтства, авторъ съ особенной любовью обрабатываетъ послѣдніе два разсказа: кульминаціонный пунктъ лѣтняго пребыванія у родителей «День Петра и Павла» и «Экзамены», съ которыми совпала и семейная катастрофа. Эти послѣдніе именины отца совпадаютъ съ именинами мальчика-племянника Павлуши и празднуются особенно торжественно. Необыкновенно тепло, въ самыхъ тонкихъ деталяхъ, рисуются эти приготовленія къ именинамъ любимаго отца семейства, пробужденіе молодежи, бѣшеная гонка на крестьянскихъ лошадяхъ, едва не стоившая Митѣ жизни, торжественный

обѣдъ съ рѣчью виновника торжества, которая вышла какъ бы предсмертной, неумѣренное потребленіе на радостяхъ напитковъ малышами, Васей и младшимъ именинникомъ, подзадориваемыми старшими гимназистами, едва не повлекшее за собой позорнаго наказанія со стороны разошедшихся во гнѣвѣ на дѣтвору отцовъ, наконецъ, деревенскій танецъ красавицы Айны у пылающаго громаднаго костра (кóкко) и послѣднее угощеніе пасторомъ крестьянъ — все это полно такой задушевности и живописности, что эту главу мы, независимо отъ ея педагогическаго значенія, позволили бы себѣ причислить къ выдающимся произведеніямъ художественной русской литературы вообще.

Строго выдержанъ и послѣдній, заключительный, разсказъ, начинающійся съ приготовленія Васи къ экзаменамъ въ пятый классъ гимназіи, съ товарищемъ, причемъ приводится премилое стихотвореніе, написанное Васей во время приготовленія къ экзамену исторіи, живо рисующее отроческія, рыцарски-чистыя первыя любовныя грезы мальчика по поводу дѣвицы, сестры товарища старшаго брата Мити. Особенно трогательно послѣднее посѣщеніе старымъ отцомъ своихъ двухъ сыновей, окапчивающаго курсъ въ гимназіи Мити и Васи, которые теперь живутъ уже самостоятельно у кухмистера. Въ мирной бесѣдѣ отца съ дѣтьми вспоминаются давнишнія ребяческія шалости... все такъ хорошо... радостно... Но отецъ спѣшитъ ѣхать домой. «Онъ обнялъ насъ, — разсказываетъ авторъ, — разцѣловалъ на прощанье, но мы сошли вмѣстѣ съ нимъ на дворъ, чтобы усадить его въ дорожную коляску. «Господь съ вами, дорогіе мои! Скоро свидимся!» — были его прощальныя слова, и коляска, громыхая, выѣхала за ворота.

Юноши, по отъѣздѣ отца, еще долго говорили о его необыкновенной бодрости и неувядаемой свѣжести, а между тѣмъ горе было уже близко... Дней черезъ пять дядя-докторъ привозитъ страшную вѣсть о смерти отца отъ холеры. У Мити былъ на другой день отвѣтственный выпускной экзаменъ и Васѣ, проведшему въ одиночествѣ страшную почь, выпадаетъ тяжелая доля

извѣстить о катастрофѣ дядю Василія въ Славянкѣ, который, полный христіанской твердости и любви, утѣшаетъ бѣднаго сироту.

Такъ заканчивается эта «дѣтская эпопея», которую прочли мы, не отрываясь до конца, съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ ея содержаніемъ, которое совершенно непередаваемо въ краткомъ разсказѣ, ибо именно въ подробностяхъ, въ самомъ тонѣ, въ языкѣ здѣсь все. Постараемся опредѣлить идейное, внутреннее значеніе этихъ задушевныхъ миніатюръ, на первый взглядъ могущихъ показаться поверхностному читателю и мало значительными.

Авторъ, самъ человѣкъ уже пожилой, и до сихъ поръ проникнутъ, судя по книгѣ, глубокимъ уваженіемъ къ доброму семейному началу, связующему семью крѣпкими узами въ одно неразрывное цѣлое. Это начало, вмѣстѣ съ любовью и гуманностью, отличающими изображаемую родную семью, проходитъ красною нитью черезъ всю книгу. Разумный трудъ, упорный и постоянный, направленный не на скопленіе богатства, а только на то, чтобы прожить не голодая, поднять на ноги дѣтей, — трудъ на пользу людямъ; воспитаніе въ дѣтяхъ людей честныхъ, трудовыхъ, уважающихъ долгъ, обязанности, — людей такихъ, которые достойно продолжали бы свой родъ, помня примѣры своихъ родителей — вотъ цѣль, вотъ смыслъ этой семьи. «Еще бабушка твоя, а наша мать, — говоритъ дядя Василій, утѣшая плачущаго Васю, — всегда предостерегала насъ гоняться за деньгами, и ежедневная молитва ея была: Господи, не дай моимъ дѣтямъ богатства! И молитва ея была услышана: никто изъ насъ не достигъ богатства, но никто серьезно и не голодалъ въ жизни» (стран. 228). «И завѣты бабушки пошли въ прокъ. На прочномъ фундаментѣ твердыхъ нравственныхъ началъ и созидалась семья пастора Петра. Несокрушимая духомъ натура этого человѣка невольно влекла къ себѣ каждаго. И родные, и знакомые, и прихожане, и совершенно посторонніе люди, едва только его знавшіе, — рѣшительно всѣ, отъ мала до велика, одинаково по-

читали его и то и дѣло обращались къ нему за совѣтомъ; всѣ же семейные его видѣли въ немъ неугасаемый свѣточъ всякой земной премудрости и благодати» (стр. 222). Съумѣлъ онъ найти себѣ и подходящую подругу трудовой жизни, требовавшей великаго терпѣнія и желѣзной воли, чтобы поддержать и поставить на ноги такую большую семью. «Постоянная, изо дня въ день, изъ года въ годъ, борьба съ крупными и мелкими превратностями жизни, безконечныя заботы о каждомъ изъ многочисленныхъ дѣтищъ закалили ея характеръ. Но ея невозмутимое самообладаніе внушало къ ней самое полное, безграничное довѣріе, и каждый изъ ея дѣтей безотчетно сознавалъ, что подъ этой, на видъ холодною и строгою, оболочкой таится теплое, участливое, материнское сердце» (стр. 202). На этихъ-то двухъ лицахъ, отцѣ и матери, какъ на вѣковѣчныхъ гранитныхъ столбахъ, и держался весь этотъ домашній строй, весь этотъ обособленный мірокъ, въ которомъ авторъ сумѣлъ открыть столько незамѣтной для посторонняго глаза поэзіи. «Я трудился весь вѣкъ, и ничего вамъ не оставилъ!» — были послѣднія предсмертныя слова пастора. Но онъ могъ бы и не сокрушаться: онъ оставилъ дѣтямъ, взамѣнъ богатства, честное имя, свой примѣръ, образованіе и любовь къ труду. «Я вполнѣ уповаю, говорилъ дядя Василій, — утѣшая племянника, — что вы, наше молодое поколѣніе, какъ и мы старики, не будете сидѣть сложа руки, и что Господь благословитъ вашъ трудъ и изъ васъ также выйдутъ настоящіе люди» (стр. 229). И дядя не ошибся: семья и послѣ смерти своего главы не потерялась, не разбрелась, а дружно трудясь и взаимно поддерживая другъ друга, стала твердо на ноги, и лѣтописецъ, пишущій на старости лѣтъ свою семейную хронику, можетъ съ гордостью сказать: «молитва бабушки и до сегодняшняго дня сохраняетъ свою силу: — никто изъ насъ не можетъ похвалиться избыткомъ земныхъ благъ, но никто и не жалуется на свою долю, потому что всѣ мы стали людьми» (стр. 229).

Таково здоровое идейное и моральное содержаніе разбираемой книги, проводящей въ юныя души сѣмена истины, добра и

красоты. И если, какъ говоритъ Милль, для того, «чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно эту добродѣтель полюбить, а любить ее можно только изъ примѣра», то примѣръ этой, такъ симпатично и художественно изображенной авторомъ, пасторской семьи не мало поспособствуетъ насажденію въ дѣтскихъ душахъ самыхъ добрыхъ нравственныхъ началъ.

Но прежде, чѣмъ разстаться съ книгой, не можемъ не указать еще на одну воспитательную, и очень цѣнную, ея сторону. Эта сторона — *культурность*, которую, какъ и ничего въ книгѣ, искусственно не подчеркивая, авторъ незамѣтно, какъ бы между прочимъ, всюду отмѣчаетъ въ разсказѣ. Садъ, улья для пастора Василія — не только простое хозяйство, не одинъ только источникъ наживы — это его благородная страсть, его поэзія. Пасторъ Петръ, при всѣхъ своихъ многообразныхъ занятіяхъ и заботахъ находитъ еще время заниматься наукой, любитъ свое пасторское дѣло, свою проповѣдь; въ свободный вечерокъ, въ семьѣ, онъ прекрасно поетъ старыя студенческія пѣсни. Въ его домѣ много хорошихъ книгъ, и мальчикъ Вася увлекается Лермонтовымъ, а молодежь читаетъ вмѣстѣ Гоголя, ведетъ споры съ пріятелями семинаристами, смѣшными, неуклюжими, оригиналами, въ которыхъ авторъ, однако, устами Мити, отмѣчаетъ любовь къ наукѣ, къ знанію, упорство въ трудѣ, скромность, недюжинный умъ. Самый характеръ всей жизни носитъ несомнѣнный отпечатокъ этой культурности: бережливость, вѣжливость, привѣтливость, гостепріимство, скромность, миръ и общій ладъ, ласковое отношеніе къ прихожанамъ — все это печать той внутренней воспитанности, которая дается человѣку только настоящей культурой, переходящей изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такова разбираемая нами книга въ ея содержаніи, какъ внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ, идейномъ. И если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно тако-

вымъ, причемъ она, какъ мы видѣли, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ полное право признать эту книгу вполнѣ достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

«Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ».

V.

Небольшая, изящно изданная книжка стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой, по мужу Красновой, содержитъ въ себѣ 66 пьесъ большею частію лирическаго содержанія; почти всѣ онѣ — оригинальныя, и притомъ девять изъ нихъ написаны для дѣтей.

Разборъ этого сборника произведеній молодой поэтессы (она скончалась въ 1891 году, 36-ти лѣтъ, пробывъ всего годъ за мужемъ) Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Аполлону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ самъ онъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ еще успѣлъ однако заняться просмотромъ сборника Е. А. Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, натурально, и что̀ всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы безсознательное, натура не изломанная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строки, находящіяся въ ней на стр. 43:

А въ рощѣ молодой прохладной и тѣнистой
Душистыхъ ландышей селеніе растетъ;
Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
Волшебный ароматъ далеко разольетъ...»

Замѣтки Аполлона Николаевича, разбросанныя по сборнику Е. А. Бекетовой, немногочисленны и немногословны; но взятыя въ цѣломъ, онѣ все-таки являются вѣрнымъ подтвержденіемъ вышеприведеннаго отзыва. Иногда онѣ содержатъ въ себѣ неодобреніе какого-нибудь неудачнаго, темнаго выраженія, но гораздо чаще онѣ указываютъ на отдѣльные стихи или же на цѣлыя пьесы, которыя особенно понравились критику. Такъ, противъ того самаго стихотворенія, изъ котораго Аполлонъ Николаевичъ извлекъ вышеприведенныя строки, онъ написалъ: «мило и оригинально», — и дѣйствительно, эта пьеса, озаглавленная «Ожиданіе», принадлежитъ къ числу произведеній Е. А. Бекетовой, наиболѣе своеобразныхъ какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ. Указанныя рецензентомъ «душевная чистота» поэтессы и непосредственность ея творчества особенно ярко выразились въ ея живомъ сочувствіи къ природѣ и въ ея умѣньи находить связь между явленіями послѣдней и разнообразными движеніями человѣческой души. На темы этого рода вышло много стихотвореній изъ-подъ пера Е. А. Бекетовой, и въ числѣ ихъ находятся, безъ сомнѣнія, лучшія ея созданія. Если не ошибаемся, двумя своими отмѣтками (NB) А. Н. Майковъ хотѣлъ указать на двѣ пьесы, которыя не только особенно характерны для дарованія поэтессы, но и безотносительно могутъ быть названы прекрасными. Одна изъ этихъ пьесъ принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ произведеній Е. А. Бекетовой; она называется «Весна» и хотя касается предмета, безконечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Я снова средь полей, среди уединенья;
Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
И на яву меня тревожатъ сновидѣнья,
И призраки опять встаютъ передо мной.

Куда влечетъ меня, чего хочу — не знаю;
Но все стремлюсь въ таинственную даль,

И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю.
И все томитъ меня безвѣстная печаль...

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно:
Но увлекла меня весенняя волна...

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали:
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... иль къ кому... неясная любовь....

А. Н. Майковъ подчеркнулъ этотъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Другая пьеса, особо отмѣченная А. Н. Майковымъ, слѣдующая:

Когда несется вихрь, и реветъ, и гонитъ тучи,
И въ воздухѣ почномъ и воетъ, и свиститъ, —
Его угрюмый вой, его порывъ могучій
Волнуетъ душу мнѣ и сердце веселитъ.
Я чувствую тогда, что силы есть живыя;
Я слышу — міръ живетъ, и въ мірѣ есть борьба;
Тогда не спятъ во мнѣ и силы молодыя;
Я сознаю: впередъ влечетъ меня судьба!
И самый жизни ходъ, и самое стремленье
Понятно въ вихрѣ мнѣ, въ порывахъ громовыхъ.
Стихійное великое движенье
Мнѣ тайну открываетъ ихъ:
То мчится въ вѣчность жизнь!..

Въ этомъ стихотвореніи прекрасная внѣшняя форма и красота сильныхъ образовъ соединяется съ глубиной мысли.

Выдвигая на первый планъ стихотворенія такого достоинства, А. Н. Майковъ, очевидно, хотѣлъ дать мѣру поэтическаго дарованія Е. А. Бекетовой. Быть можетъ, оно не отличается особеннымъ разнообразіемъ, но у него нельзя отнять ни самобытности, ни искренности. Этимъ внутреннимъ свойствамъ таланта покойной поэтессы соотвѣтствуетъ и то, что она хотя написала немного, но успѣла овладѣть совершенствомъ внѣшней формы.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Е. А. Бекетовой были напечатаны при ея жизни; но только ихъ полный посмертный сборникъ даетъ возможность познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяетъ сказать, что имя Е. А. Бекетовой не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь обратить въ своемъ отзывѣ вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ справедливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, брошеннымъ на ея могилу.

Отдѣленіе вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе покойнаго поэта.